

М. МУКАНОВ

"ҚАЗАҚСТАН"

СЫН НАРОДА

Марат МУКАНОВ

С Ы Н Н А Р О Д А

Этюды из жизни Сабита Муканова

Алматы
"Қазақстан"
2000

ББК 85 (5 Каз)
М 90

КНИГА ВКЛЮЧЕНА В СПИСОК СОЦИАЛЬНО-
ЗНАЧИМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МИНИСТЕРСТВА
КУЛЬТУРЫ, ИНФОРМАЦИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО
СОГЛАСИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Редактор *Г. Тайжанова*

М. Муканов
М 90 **Сын народа.** — Алматы: ТОО "Издатель-
ский дом "Қазақстан", 2000. 176 стр.

ISBN 5-7667-5666-6

Книга написана сыном выдающегося писателя, известным историком-этнографом, доктором исторических наук, покойным Маратом Сабитовичем Мукановым в конце семидесятых годов. По конъюнктурным соображениям она в свое время не была опубликована и пролежала около двадцати лет в архиве ученого.

Автор вводит читателя в творческую лабораторию писателя, показывает его метод сбора материалов для будущих книг, раскрывает чисто человеческие качества, приводит неизвестные ранее читателям сведения.

Книга обращена широкому кругу читателей и посвящена 100-летию писателя, которое по решению ЮНЕСКО отмечается во всемирном масштабе.

ISBN 5-7667-5666-6

М 4408000000-07 без объявления, 2000 ББК 85 (5 Каз)
401(05) - 2000

© Муканов М., 2000
© ТОО "Издательский дом "Қазақстан"

О Г Л А В Л Е Н И Е

К ЧИТАТЕЛЮ	5
В КРУГУ СЕМЬИ	10
Страницы детства	13
Мир книги	17
В мире искусства	26
Страницы семейной жизни	40
ДНИ И НОЧИ ТРУДА	57
Часы работы	60
Путешествие 1938 года	66
На родовом кладбище	79
История одного повествования	85
Незавершенный замысел	95
Труд по этнографии казахов	120
СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ	131
История одного мальчика	133
Годы военные	138
О друзьях-товарищах	158
ПОСЛЕДНЕЕ	168

К ЧИТАТЕЛЮ

Трудно писать о человеке, оставившем людям прилогию своей жизни. Однако некоторые эпизоды личной и творческой жизни писателя мало известны, а некоторые совсем неизвестны читателю. Это и заставило меня взяться за перо.

В памяти своих современников Сабит Муканов сохранился как писатель редкого дарования, человек большой души и доброго сердца. Тяжелое детство, сиротство, без материнской ласки и поддержки отцовской руки, делает человека в будущем замкнутым, суровым или же, наоборот, добрым и отзывчивым к горестям себе подобных.

Сабит, рано потерявший родителей, до дна испил горькую чашу жизни. У него не было детства, в семи-десятилетнем возрасте только и был занят поиском хлеба насущного. Поняв всем своим детским существом, что только у бедного люда он может найти сочувствие своим горестям и протянутую от чистого сердца небольшую чашу похлебки, мальчик всем сердцем тянулся к простым людям. В гуще простого народа, будь то у очага бедняцкой юрты с ее разительной контрастностью нищеты, или же у пастушеского костра среди бескрайних сте-

пей, всюду Сабит впитывал в себя, как молоко матери, народную мудрость. Казахская степь была полна людьми-самородками – находчивыми, острыми на язык, наделенными даром поэзии, подобно безбородому обманщику Алдарукосе, сказочному русскому Иванушке, неунывающему Сметее Смее из фламандской легенды, прекрасно воспетому Шарлем де Костером. И подросток, наделенный природой даром поэта, впитывал в себя золотые отблески народной мудрости. Рассказы охотника Ораза, песни народных акынов вызвали у него чувство восхищения богатством и алмазной отточенности родного казахского языка. Такое общение с каждым годом укрепляло в нем веру в творческий гений своего народа.

Стремление Муканова перенимать поэтический опыт, учиться у народных акынов, дало ощутимые результаты. В 1915-1918 годах он принимает участие в аульных айтысах.

Годы учебы, годы становления поэта пришлись на октябрьский переворот. Выбора как такового, в те революционные дни, у него не было. Но он лучшие надежды связывает с преобразованиями в степи. Будучи юношей, зимой 1919 года, он участвует в совещании учителей Петропавловского уезда, положившего начало народному просвещению в северном Казахстане.

Юноше Сабиту выпала счастливая доля: его наставниками стали выдающийся писатель и государственный деятель Сакен Сейфулин, представители казахской интеллигенции прогрессивных взглядов Ш. Тулегенов и Х. Махметов, братьями по перу были такие замечательные мастера, как Беимбет Майлин, Ильяс

Джансугуров, Габит Мусрепов. Познав грамоту, он полностью погрузился в мудрость стихов Абая и в лирические строки Габдуллы Тукая, в поэзию Омара Хайяма, Саади и других мудрецов Востока.

В 30-е годы, во время учебы в Институте Красной профессуры в Москве, он услышал добрые напутствия Максима Горького и других корифеев. К нему с братской заботой относился Алексей Толстой, оставивший на титульном листе своей книги "Хождение по мукам" следующую дарственную надпись: "Дорогому другу казаху Сабиту Муканову от горячо любящего его Алексея Толстого".

Тесно дружил с М. Шолоховым и В. Рождественским, А. Фадеевым и А. Лахути, С. Н. Сергеевым-Ценским и М. Бажаном, Л. Соболевым и С. Кудашем, Б. Лаврентьевым и С. Вургуном и со многими другими, оставившими отзывы на книги Сабита Муканова и дарственные надписи на своих произведениях. Братские чувства связывали его с Г. Гулямом и Б. Кербабаяевым. Он всегда восхищался лиризмом и образностью поэзии А. Тажибаева и И. Нонешвили, невесомостью японской Средневековой поэзии, о которой писал на страницах российского и казахстанского периодических изданий. При всем этом, однако, глубину своих знаний, живительные соки таланта он впитывал из гуши народа, в среде простых, но великих своими делами.

Алексей Брагин, переводчик произведений Сабита Муканова, вспоминал: "Вряд ли его мог превзойти кто-нибудь из писателей Казахстана силой своей общительности, умением располагать к себе людей. У него были друзья повсюду..."

Современники поражались его одержимостью к скитаниям. Общение с народом было настоящей потребностью человека. Вечный непоседа, он бывал ежегодно в продолжительных поездках по областям нашей республики, посетил многие районы бывшего СССР, от Байкала до Буга, от Черного моря до Балтики. Когда ему перевалило за пятьдесят с лишним, совершил два долгих путешествия на машине от Алма-Аты до родных мест Северного Казахстана, и далее до Омска. Летом 1952 года я и мой брат Ботажан сопровождали отца в поездке. Поражались его энергии. Беседы в одинокой юрте чабана, в доме шахтера Успенского рудника, работниками аппаратов отдельных районов, при этом не записывал ничего – все помнил на память. Много лет спустя, он невзначай спрашивал: "А помнишь Маратик...?" И я по ходу его рассказа припоминал тот или иной эпизод прошлых странствий.

Константин Паустовский писал: "Для писателя память – это почти все. Она не только хранит накопленный материал. Она задерживает, как волшебное сито, все самое ценное. Пыль и труха просыпаются и уносятся ветром, а на поверхности остается золотой песок. Из него и надлежит, по всей видимости, создавать произведения искусства".

Его кредо на протяжении всей жизни было: "Все для народа, ради народа". В письме от 16 октября 1970 года писал мне: "Как много мне предстоит написать новых произведений, чтобы была чиста совесть перед трудовым народом, родившим меня и любящим. Я постараюсь (оправдать) его доверие ко мне".

Сабит Муканов остался верен высоким принципам, отражая на страницах, отличавшихся многообразием тематики, своих произведений, многовековой быт, культуру, этнографию, историю казахов. В них воссозданы важные историко-социальные периоды.

Эта книга не литературное исследование творчества Сабита Муканова, а небольшие этюды его жизни, отдельные мазки на широком незаконченном полотне творческого и жизненного образа писателя, богатого всеми цветами степной лучезарной радуги.

В КРУГУ СЕМЬИ

Жизнь каждого человека складывается из его общественно-полезной деятельности и личной жизни в кругу семьи. Бывает так, что исполнительный, ни в чем плохом незамеченный работник, в семье ведет себя нетерпимо. И наоборот, хороший семьянин на работе "так себе". Но такие аномалии – редкое исключение. Чаще всего поведение человека на работе, "на людях", является как бы копией подлинного снимка, повторением норм поведения, которыми он придерживается в быту. О хорошем семьянине и труженике в народе говорят: "открытый человек", "добрая душа" и т.д.

Мне приходилось чаще, чем кому-либо из членов нашей семьи, видеть отца на поле общественной деятельности: на заседаниях Ученых советов Академии наук Казахстана, всевозможных совещаниях, во время дискуссий и бесед с различными людьми.

Хорошо зная его как любящего отца своих детей, нежного мужа и просто внимательного человека к близким, я, при его взаимоотношениях с другими людьми, старался присматриваться к нему глазами постороннего наблюдателя. "Есть ли грань различия между

нашим папкой и Сабитом Мукановым?" – часто задавал себе вопрос. И с каждым разом убеждался, что он живет единой полнокровной жизнью. Каков он в семье, таков и в общении с окружающими.

В кругу семьи ему были присущи простота, доброе отношение к родным и демократичность в том смысле, что он никогда не ущемлял индивидуальных черт характера кого-нибудь и не пользовался безрассудным правом главы семьи. Главным методом его воспитания были логические суждения о плохом и хорошем, почерпнутые из кладовой собственной и окружающей жизни.

Он старался привить детям любовь к прекрасному, литературе и музыке, подбирал избранные книги для чтения, или же, будучи хорошим музыкантом, часто вечерами перебирал пальцами струны домбры, извлекая из нее чарующие звуки кюев и песен Даулеткерей, Таттимбета, Курмангазы, Балуан-Шолака и других представителей седой старины.

Большое внимание придавал физическому воспитанию ребят, приобщал к труду. Он часто говорил нам: "Не зависимо от того, кем вы станете, вы должны научиться делать руками любую работу: копать, строгать, мастерить и т.д. Ибо только руки растят хлеб, делают машины. Уважайте и преклоняйтесь перед трудом крестьянина и рабочего. Труд делает человека физически и умственно здоровым и красивым". И это питало его душу, его поэзию, вообще литературные труды. Подобное отношение к труду диктовалось всей его прожитой жизнью.

В архиве писателя сохранились записные книжки с различными высказываниями мыслителей прошлого, в том числе и о труде. Вот одно из них: "Кто рассчитывает обеспечить себе здоровье, пребывая в лени, тот поступает так же глупо, как человек, думающий молчанием усовершенствовать свой голос (Плутарх)". После высказывания древнегреческого писателя-моралиста следует приписка Сабита Муканова: "Через столетия в назидание ту-неядцам!".

Сабит Муканов всегда преклонялся перед тружеником, независимо от избранного им пути, но чтоб доля принесенного была полезна для общества. Так он воспитывал своих детей. Старший сын Арыстан, будучи с высшим образованием, является хорошим токарем и столяром, средний Алтай стал инженером-строителем, а младшего – Ботажана, ботаника по образованию, он ласково называл "крестьянином" за любовь к земле и растениям.

Отглядываясь на прожитые годы, каждый из нас весомее осознает отдельные эпизоды своей жизни и роль того человека, который помог в становлении и формировании личности. Мудрый и проницательный, мужественный и сердечный – таким запоминается наставник. Я, столь высоко ценивший отцовскую любовь, заботу и воспитание, не один раз писал, что без его помощи не удалось бы достичь и малой доли того, что было достигнуто.

Сабит Муканов был непревзойденным учителем жизни.

СТРАНИЦЫ ДЕТСТВА

Память детства характерна тем, что она воскрешает далекие годы не в виде непрерывной цепи жизненных событий, а помнит только отдельные эпизоды и образы, словно грубые не вполне осознанные лепки с резко выраженными чертами, оставшимися на всю жизнь.

Отец очень любил природу, в ее многообразии и многоцветии. Он радовался всему прекрасному, подмеченному в природе. Еще в 1920 году писал в стихотворении "Летнее утро":

Отпрянуть сумерки спешат,
Восход забрезжит светом бедным
и в обновленном небе бледном
сверканье звезды завершат.

Еще висит, еще горит
И улыбается Венера,
но облако, что бело-серо,
стать ярко-желтым норовит.

Как сладостно покинуть дом,
проснувшись утром рано-рано!
Не надобно другого рая —
лишь здесь бы жить, смотреть кругом.

Он любит весенние разливы рек, красочно описал это чудо природы в первой книги "Школы жизни". Бывало, как ребенок радовался, увидев распутившийся куст сирени или бледный стебелек подснежника, пробившийся из-под земли. Он подолгу всматривался в родную степь, когда легкий ветерок волновал море седого ковыля, а в знойной голубизне неба парил беркут. Любил утренние зори,

когда лучи восходящего солнца расплескивались по изломанным снеговым вершинам гордого Алатау. Зимой совершал прогулки по пороше, по улицам еще не проснувшегося города, или же катался на саниах по заснеженной целине. Но особенно предпочитал раннюю осень, когда лес утопал в прощальном желто-багряном цветении, и в эти дни чаще выходил на улицу и долго бывал на свежем воздухе.

Одна из таких прогулок наиболее отчетливо сохранилась в моей памяти. В это время отец всегда что-нибудь интересное рассказывал, причем, красочно, с описанием природы, где происходили события, каждый герой имел характерные черты и свой голос: он имитировал то богатырскую силу, то ворчливую старуху, то подражал крику птиц, реву животных и т.д. Столь изысканно играя, он, стремился привить любовь к природе и чтобы мы были участниками сказок, легенд, наравне с героями. Рассказывал отец захватывающе. (Жаль, что наше телевидение и кино не придает должного внимания устному рассказу, интересному и прекрасному по своей форме, подобно тем, которые мы слушали в телепередачах Ираклия Андронникова. В Казахстане были и есть подобные мастера. Вспомним хотя бы импровизированные постановки Шакена Айманова, полные юмора, лиризма, иногда неподдельной тоски. Но все это безнадежно утеряно).

Свой рассказ, будь то быль или сказка, отец всегда начинал с описания мест, где развернутся события.

– Далеко, далеко, – начинал он неторопливым тихим голосом, – среди мохнатых гор, похожих на горбы верблюдов, расплескалось синее озеро...

Старший брат и я с раскрытыми ртами смотрим сосредоточенно в его сторону.

– Не на меня смотрите, а вон на те горы, – и он показывает в сторону мохнатой сопки, – точь-в-точь, как эти горы.

Рассказ льется и мне зримо представляется та далекая страна, ее лесные обитатели, звериные тропы и голубая гладь спокойного озера. Вместе с батыром мы ходим на охоту, готовим пищу и т.д.

– И вдруг... – ударом хлыста обрывается речь отца на высокой ноте. Он внимательно смотрит на нас, легонько отталкивает меня, потому что я прижимаюсь к нему, чувствуя, что сейчас произойдет что-то страшное.

– И вдруг, – начинает он после паузы, – в этих лесах появилась противная старуха по имени Жезтырнак, с железными ногтями. Во, видите, корявый сук сосны? Такие у нее руки.

Детское воображение тем и отличается, что ясно представляет все услышанное в фантастическом ракурсе. Образ старухи гнетет меня, но в конце концов сила и смелость батыра побеждает исчадие ада и мы от души радуемся удачам героя. Смеемся дружно, просим повторить концовку сказки, отец также во власти общего веселья. И он как бы невзначай говорит мне:

– Маратик, я уронил палку вон за тем поворотом, принеси ее. Такая хорошая палка, жаль ее терять.

Меня одолевает страх, вопросительно смотрю на него, потом на брата, который делает вид, что ничего не слышал. Делать нечего, иду искать нарочно обыкновенным шагом, стараясь не выдать внутреннего напряжения. Но стоило завернуть за поворот, исчезнуть из поля их зрения, как мчусь по тропинке, обшаривая глазами окрест в поисках злополучной палки. Треск веток и шорох опавшей листвы подогревают мой страх, но в конце концов оружие найдено и я возвращаюсь к родным. "Потеря" повторялась и в следующий раз, я привык что, без боязни, искал предмет. Я даже прибегал к хитростям. Слушая рассказ отца, постоянно посматривал за палкой. Стоило ему уронить ее, как тут же говорил: "Папа, ты потерял палку". Разгадав мою хитрость, он стал забывать то платок, то раческу, то еще что-нибудь на месте нашего отдыха и почти всегда посылал меня за ними, видимо, я был трусливее Арстана.

Во время одной из прогулок он поведал нам эпизод из собственной жизни, когда он, совсем мальчик, заблудившись в пургу, вынужден был ночевать в склепе одного родового кладбища. Это случай позднее подробно пересказан писателем в "Школе жизни" и хорошо известен читателям.

Проводя подобные эксперименты "один-на-один с природой", он старался приучить нас управлять своими чувствами, подавлять страх в еще слабой и неокрепшей детской душе. И что самое главное — он приобщал нас к пониманию природы, к познанию окружающего мира в его многообразии.

МИР КНИГИ

Однажды в третьем классе, внимательно слушая учительницу Зою Николаевну, я начал припоминать, что этот рассказ когда-то слышал.

Конечно, думал я, папа рассказывал мне об этой чудовищной рыбе, которая хотела проглотить мальчика. Заглянул в учебник на начало рассказа и прочел: "Л.Толстой. Акула".

Вернувшись после уроков домой, отцу сказал:

— Папа, нам сегодня учительница читала "Акулу" Толстого. Помнишь, ты мне поведал о синем море и большой страшной рыбе? Это была акула?

— Да, — ответил он улыбаясь, — я тебе пересказал Толстого.

Лишь позже мне стало понятно, как отец постепенно вводил своих детей в мир волшебной поэзии и увлекательной прозы писателей прошлого столетия и своих современников. В конце 50-х годов, читая один из шедевров казахской поэзии "Кулагер" Ильяса Джансугурова, я опять вспомнил о прекрасных днях...

Пасмурный день, из-за густой серой пелены тумана не видно облоков. Даже в такие ненастные осенние дни отец совершал долгие прогулки и обязательно брал с собой Арстана и меня.

В тот день мы проходили мимо покосившейся изгороди крестьянского двора, одиноко стоящего на косороге. Около телеги на привязи понуро стояла лошадь: она будто слегка присела на задние ноги, густая челка свисала на глаза, стояла она совершенно неподвижно.

— Жалко, — почти шепотом сказал Арстан, глядя на эту действительно мрачную картину.

— У нас в степи были такие сказочные кони! — начал отец, желая развеять подавленное состояние. — Был такой конь Кулагер, который бежал быстрее ветра и казалось, что его копыта не касались земли, а плавно цокали по воздуху. Великолепное повествование чередовалось поэтическими строфами. Это было первое знакомство с Кулагером, но об авторе этой чудесной поэмы я узнал позже. Многие услышанное от отца было, по-видимому, пересказом кокого-нибудь произведения известного автора, имя которого в то время нам ничего бы не говорило.

Отец вводил нас в мир каких-нибудь событий, смотря по обстоятельствам и соответственно нашему настроению. Так было и с рассказом о Кулагере: он хотел освободить нас от мрачного настроения, вызванного осенним ненастьем и видом несчастной лошадки, и вовлечь в ход событий степной жизни, в мир образных и красочных строк джансугуровской поэзии. Его настрой повествования заведомо рассчитан на доверительную восприимчивость детской души и в этом, как я понял впоследствии, был большой такт домашнего учителя.

"...прелесть детства, — писал К. Паустовский, — мы начинаем понимать, когда делаемся взрослыми. В детстве все были другими. Светлыми и чистыми глазами мы смотрели на мир, и все нам казалось гораздо более ярким.

Ярче было солнце, сильнее пахли поля, громче был гром, обильнее дожди и выше травы. И шире было человеческое сердце,

острее горе и в тысячу раз загадочнее была земля, родная земля - самое великолепное, что нам дано для жизни"

Вот эту сыновнюю любовь к родной земле и стремился привить своим детям Сабит Муканов.

В памяти каждого человека есть книга, оставившая след на всю жизнь. С первых ее страниц, соприкасаясь с реальной жизнью, уже задумываешься и находишь ответы на ложные вопросы, которых в детстве бывает много. Например, для М. Исаковского такой книгой стала повесть В. Дмитриевой "Митюхачуитель".

В начальных классах я, как и большинство моих сверстников, зачитывался романами А. Дюма, В. Скота, Ж. Верна, Ф. Купера и других писателей об увлекательных приключениях. Многие из прочитанного не запомнил, а лишь захватывали детское воображение только те страницы, где описывались битвы, погони, встречи с хищниками, дикий рев извергающегося вулкана, т.е. все то, о чем мы мечтаем, будучи мальчишками.

Ребята нашего двора храбро сражались с гвардейцами кардинала Ришелье, стояли на неприступных стенах замка Айвенго, следовали по дремучим тропам вместе с Кожанным Чулком, шли по безжизненной земле Патагонии с героями Жюль Верна и т.д. После столь бурных событий я часто возвращался с кровавыми ссадинами или же с разбитым носом, за что получал должное от нашей строгой мамы.

Однажды, когда я учился в 5-м классе, отец подарил книгу и сказал:

— Прочти. Увидишь, как жили твои сверстники.

Я взглянул на обложку, на которой был изображен подросток моих лет и собака, опершаяся передними лапами на грудь мальчика, внизу написано: А. Свирский. Рыжик.

Нехотя перевернул титульный лист (ведь это же не о мушкетерах) и начал читать первую страницу. Но с каждой страницей книга захватывала меня. Я жил днями безрадостного детства Рыжика, его горестями, страшно ненавидел его обидчиков, радовался его смелке и доброте отзывчивых людей.

После того, как прочитали, мы с большим интересом пересказывали отцу о каждом запомнившемся герое. Пусть даже порою наши суждения были наивными, но наставник хотел привить стремление к самостоятельному мышлению формирующейся личности.

Помню, как за обеденным столом вся наша семья слушала пересказ Арстана только что прочитанной им книги "Как закалялась сталь" Николая Островского. Несколько вечеров брат рассказывал о бесстрашном Павке Корчагине, в то время доме умолкал гомон, прекращались беготня и всякая суета.

Отца глубоко интересовало, что читают его дети и чем заняты их думы. Приведу один эпизод. В 1952 году я и мой младший брат Ботажан сопровождали отца во время длительной поездки на машине в родные места Северного Казахстана. Это было замечательное путешествие, по пути, в Караганде Сабит Муканов попросил одного народного певца присоединиться к нашей компании, на что последний с радостью согласился.

— Пусть народ услышит ваш чудесный голос и народные песни, безгранично любимые народом - говорил Сабит Муканов певцу. Жители многих аулов Северного Казахстана до сих пор с восхищением вспоминают незабываемую поездку, интересные беседы и народные песни, звучавшие в те дни.

Однажды вечером, когда на бледно-синем небе только появились едва заметные мерцания звезд и уснувшая степь освежилась прохладой, Иван Петрович Шухов и я, сбежав с очередного тоя, прогуливались. Вечерняя степь всегда располагает к поэзии, благодаря прекрасным стихам человек особенно ощущает свое единство с окружающей природой.

Я начал читать:

“Настала ночь, остыл от звезд песок,
Скользя в песке, я шел за караваном,
И Млечный путь, двоящийся поток,
Бледнел над ним светящимся туманом”.

— Бунин? — спросил Иван Петрович.

Я кивнул утвердительно. Иван Петрович молчал, он любит больше слушать, чем рассказывать.

Затем вспомнили стихи Сергея Есенина. Чтобы было понятно читателю, каким “багажом” стихов Есенина обладали мы, школьники 40-х годов, необходимо следующее пояснение. Талантливого русского лирика старались не вспоминать в те годы, его почти не издавали, потому что горе-моралисты увидели в поэзии С. Есенина только “Москву кабацкую”. Мы немного знали из его поэзии, чаще доводилось знакомится тогда с творчеством поэта по рукописным стихам, где, видимо, многое было пе-

ренесено и тенденциозно подобрано. Но все же в наши руки попадали отдельные книжки Сергея Есенина и мы зачитывались до дыр. Стихотворения Есенина нас покоряли, в которых ярко проявились особенности сентиментальной и меланхолической лирики этого поэта. Одухотворенный в тот вечер мечтой о должном, желаемом, лучшем я прочитал еще кое-какие прекрасные строки, а также отрывки из "Черного человека". Иван Петрович молчал и только иногда, в такт отточенного есенинского стиха, качал головой.

Утром отец, как обычно, решил прогуляться и разбудил меня.

– Ты, Маратик, увлекаешься Есениным? – спросил он, когда мы отшагали добрый километр от аула.

Я быстро сообразил, что наша вечерняя беседа известна отцу со слов Ивана Петровича.

– Да, – продолжал он, – Есенин – великий поэт земли русской, вернее всей нашей родины. Вдумайся только:

“Хочу я быть певцом
И гражданином,
Чтоб каждому,
Как гордость и пример,
Был настоящим,
А не сводным сыном
В великих Штатах СССР”.

Немного помолчав, он продолжил замечательную мысль: “Он любил свою родину с белыми березами, кленовыми листьями, с запорошенной степью и с утренней зорькой. Много из того, что ты знаешь вызваны противоречивыми настроениями и стремлениями

поэта, ищущим выхода из невыносимых условий жизни. Многие известные люди представляли обычные предметы и явления в свете необычном и странном. Вспомним хотя бы "Выбранные места..." Гоголя или же толстовщину, как чуждое нам мировоззрение. Но Гоголь велик "Тарасом Бульбой" и "Мертвыми душами". А "Ревизор?" Это же пощечина всему крепостному строю. А Толстой! Это же титан, глыба, зеркало русской революции. Я не знаю, какие произведения выделить. Я одинаково поражаюсь его "Крейцеровой сонатой" и "Войной и миром". Хоть Лев Николаевич и не был поэтом в прямом значении этого слова, но отдельные страницы бессмертных трудов излучают прекрасную поэзию.

Так и в творчестве Есенина мы должны видеть все самое прекрасное. Просто поэт передает досужие толки и слухи о художнике как "безумце", странном человеке, но его "маску" не следует принимать за личность. Маска остается маской, а истинная цель поэта состоит в том, чтобы будить в читателе дремлющее чувства, т.е. пробуждать лучшие стремления даже в тех, кто за маской не видит лица художника, его гримасы боли, его восторгов. Вернемся в Алма-Ату – я тебе отдам томик Есенина хранящийся в библиотеке. Прочти".

Сабит Муканов признавал особое положение художника в современном обществе. Он с гордостью говорил о себе:

"Я – знаменосец, большевик, ударник,
И я – горнист, сзывающий на бой".

Общение с литературой, самообразование каждого человека он считал необходимой по-

требностью каждой личности. Он всегда старался знакомить своих детей с новинками литературы, а когда я был вне дома, присылал книги по почте. В одном письме писал: "...посылаю тебе книгу "Род человеческий", считая ее для тебя нужной. Сейчас вместе с этим посылаю книгу "Природа и общество" (книга английских и американских ученых - М. М.). Тоже, наверняка, полезная.

Ты же знаешь книги из моей личной библиотеки. Пиши, что тебе нужно из них? Может быть, Тарле? Или труды какого-нибудь другого историка или философа. Я pošлю тебе по почте".

В другом письме рекомендовал: "Посылаю с этим письмом мемуары Жукова. Она (книга) очень дефицитна, еле достал через одного товарища. Сам еще не читал. Думаю, что ты до моего приезда прочтешь. Только береги ее, если потеряешь, достать еще будет крайне трудно".

Когда я был на годичной стажировке в Москве и не мог, естественно следить за республиканской периодической печатью, он присылает мне бандероль, сопроводив ее письмом: "Посылаю тебе, как этнографу, номер газеты "Қазақ әдебиеті", где напечатана статья "Алтын киімді адам" ("Золотой человек" - М. М.). Эта — новость для науки и вещь поразительная".

Строки из этих писем говорят, в первую очередь, о широком круге вопросов, которыми интересовался Сабит Муканов. Его интересовали социальные проблемы рода человеческого, взаимоотношения природы и общества, мемуары прославленных покоководцев, новей-

шие открытия археологов и т.д. Книги в его библиотеке испещрены пометками писателя: казахская, русская, зарубежная литературы, исторические исследования и многое другое были в поле зрения писателя. Из этого знания и рождались многие темы в творчестве писателя, из этих неожиданных и странных сопоставлений, возможно, возникали основные образы его поэтических и прозаических книг.

Работа каждого писателя над книгой - это интересное и увлекательное исследование для литературоведов. Пометки на страницах, подчеркнутые строки могут сказать о многом: об интересующих мастера слов, событиях, о согласии с автором или, наоборот, недоумении прочитанным и т.д. Литературовед, изучая пометки писателя, может воссоздать некоторые его размышления, каким он видел мир, каков он есть. В этом отношении библиотека Сабита Муканова представит в будущем интерес для исследователя.

Сабит Муканов, будучи сам писателем, всегда радовался умной прочитанной книге, ибо открывал для себя, говоря словами Ромена Роллана, "чудесные видения, замкнутые в книгах".

Любовь к книге он старался привить и к окружающим его людям, отдавая безвозмездно литературные труды из личной библиотеки.

Из собранных книг он укомплектовал библиотеку для жителей своего родного аула. В дар Республиканской библиотеке передал 252 книги, 99 журналов, 113 брошюр на русском языке; 24 книги, 99 журналов на казахском; 145 книг на уйгурском языке; журналы на осно-

ве арабской графики - 90 экземпляров, а всего было передано 987 экземпляров.

В то время, когда комплектовал книги для передачи в библиотеку, между нами произошел следующий разговор.

— Папа, — сказал я, — может быть, я возьму некоторые книги для себя?

— Нет, не надо, — ответил он. — Ведь ты только один будешь читать, а скольким людям они необходимы! Я их отдаю библиотеке не потому, что они стали мне ненужными, а чтобы в последующие годы эти книги принесли большую пользу другим.

Когда я отдавал в твою библиотеку все тома Элизе Реклю, книги путешествий Прижевальского, Грумм-Гржимайло, Козлова, Певцова и многих других, редкие книги Тэйлора, Харузина, Седельникова и т.д. - с каким трудом я расставался с ними! Ведь они мне иногда бывают нужны и ты часто некоторые из них приносишь для работы. Я был уверен что они необходимы для твоей научной работы. По этой же причине ряд своих книг я отдаю людям. Если некоторые из них понадобятся когда-нибудь, думаю, дирекция библиотеки позволит всегда ими пользоваться.

Сабит Муканов - писатель, одержимый идеей служения людям, современникам, их потомкам.

В МИРЕ ИСКУССТВА

Взгляды Сабита Муканова на роль и назначение искусства в жизни общества, в жизни человека с годами развивались, эволюциони-

ровали, но исходные положения его эстетической концепции достаточно отчетливо "просвечиваются" почти в каждом произведении.

Зарождение поэтического дара в человеке начинается с колыбельной песни и в дальнейшем мир песен и народных сказаний является питательной средой для становления истинно народного поэта.

Вот что пишет писатель в "Школе жизни":

"Мать я вспоминаю как сквозь густой туман. В памяти осталось только ее лицо, а главное ее песни. У нее был красивый голос, и когда она затягивала какую-нибудь жалобную песню, я видел, как по глазам слушателей текли слезы".

Учебниками Сабита Муканова были не букварь и книги, а песни, айтысы, народные сказания акынов. Он часто рассказывал, что самыми радостными минутами детства были те, когда он, притаившись в юрте, никем не замеченный, зачарованно внимал волшебным звукам кюйя или песни.

В поэтических строфах наиболее емко и красочно передается кипенье страстей человеческих, это невиданное действо, главными героями которого являемся все мы. Пытливый ум мальчика осознанно вбирал в себя золотые россыпи народной поэзии. В ней он видел не только красоту казахского стихосложения, но и находил ответы на волнующие его вопросы. Ведь будь то сказка, песня или широкое полотно казахского эпоса — в каждом из них всегда налицо борьба добра и зла, свободы и угнетения, которые вызывают у слушателей и читателей преклонение перед трагедией или восхищение победой любящих сердец, правого дела.

Как не радоваться проделками умного Алдар-косе – защитника обездоленных, себе подобных? В подвигах Кобланды-батыра он видел великое прошлое своего народа, страницы героической борьбы казахов против работодателей; в красавице Назым он познал мудрость женщины, а в образах Козы-Корпеш и Баян-слу – бессмертную силу любви. Все это составило духовный мир будущего писателя.

Говоря словами чеховского героя, "истинно счастливый человек тот, кто думает не только о том, что есть, но даже о том, чего нет". Юноша Сабит создавал свой возвышенный мир, а в условиях казахского дореволюционного аула он находил свой идеал в народной поэзии.

Еще в детские годы научился играть на домбре и в дальнейшем достиг совершенства. Он на память знал многие народные песни, кюи, айтысы акынов. Под аккомпанемент домбры пересказывал многие страницы казахского эпоса.

Многим позднее писатель в "Школе жизни" отмечает, как мальчик Сабит тайком надергал у линявших овец некоторую толику клочками свисавшей шерсти, для того чтобы обменять ее на кусок мыла и перламутровые пуговицы у купца-татарина и ими умиловить сварливую жену певца Касена. Мальчик жаждал песен и, не имея ничего, кроме своих лохмотьев, пошел на это "воровство". Впоследствии он заливался смехом, вспоминая эту кражу, когда ежесекундно ожидал удары палкой, притаившегося хозяина овечьего загона.

Из уст Касена он услышал и запомнил на всю жизнь песню о черном верблюде - "Кара нар", знаменитого в степи акына Биржан-сала.

Сабиту Муканову посчастливилось видеть классиков народной поэзии Акан-сери, Балуан-Шолака и из их уст услышать бессмертные песни. Он хорошо знал поэзию Жамбыла и был всегда желанным гостем в его доме. "Томер XX века" называл Сабита "Балуаном" в честь видного певца казахской степи, жизнь которого описана Сабитом Мукановым в одноименной повести. Жамбыла-ата и Сабит - "Балуан-Шолак" запечатлены в шутливой борьбе на широко известной фотографии.

Во время одной нашей поездки Жамбыла-ата потребовал оставить меня в качестве "аманата" – заложника. Прожив больше месяца в юрте аксакала, я получил нарицательное имя "сын Балуана-Шолака". Великий акын, когда приезжал в Алма-Ату, часто гостил в нашем доме. Наша сестра Баян, ныне кандидат химических наук, а в те годы едва державшая голову, получила благословление старца.

Мальчик Сабит, будучи пастушонком в русских селениях, любил русские народные пени за их широту, мелодичность и восхищался ими до конца своих дней.

"Однажды, – пишет А. Брагин о Сабите Муканове, – я застал его упоенно внимающим сибирскому хору, выступающему по телевидению. Он даже сделал знак: Тсс!... И заговорил только после окончания передачи:

– Что я люблю казахские песни, это ты знаешь. А известно ли тебе, что я еще в детстве русским песням научился и на гормошке играл?

И неожиданно вспомнил озорную иртышскую частушку".

Сабит Муканов любил и часто пел татарские и Башкирские песни.

Вот что пишет о нем писатель Сайфи Кудаш: "Сабит Муканов – человек очень одаренный, обладающий проницательным умом и чудесной памятью, знает наизусть улэны не только казахских акынов и народных певцов, но и Акмуллы, Тукая, Гафури, Дәрдеменда, Баби́ча, Токташа и многих других башкирских и татарских поэтов, что свидетельствует о его пристальном внимании к литературе родственных народов".

В этом мире песни и музыки Сабит Муканов прожил всю свою жизнь. Домбра была спутником во многих поездках и путешествиях. С ней он отдыхал у очага одинокой юрты чабана, ее можно было увидеть в номере гостиницы "Москва" или на берегу седого Байкала. И дома в дни веселья многочисленные внуки несли домбру "аташке"-дедушке, чтобы он сыграл и спел. В доме устанавливалась тишина, когда он работал, и звучала музыка в часы отдыха писателя. У него был любимый набор пластинок казахских кюев и песен, которые он любил слушать. Но чаще он в руки брал домбру и, будучи глубоко музыкальным человеком, наигрывал народные песни, подпевая тихим голосом. Пальцы то слегка касались струн, то дробно ударяли по корпусу и быстро скользили по декам домбры. У старшего сына писателя хранится магнитофонная запись одного его наигрыша.

Сабит Муканов с любовью относился к музыкальным инструментам: в его коллекции хранятся киргизский комуз, узбекский дутар и несколько казахских домбр. Его любимая

домбра абаевского типа напоминает о нем, о его голосе.

"Театр, – писал Бернард Шоу, – выражает духовную силу нации". Своим становлением и развитием казахский театр обязан Сакену Сейфуллину и Калибеку Куанышбаеву, Мухтару Ауэзову и Куляш Байсеитовой, Габиту Мусрепову и Курманбеку Джандарбекову, и многим другим, чьи имена сверкают в созвездии национального искусства.

Сабит Муканов тоже внес свою лепту в развитие народного театра: "...Нет народа, – пишет писатель, – в душе которого не звучала бы артистическая струнка, в гуще которого не рождались бы замечательные таланты – самородки-певцы, танцоры, балагуры. Идея создания национального казахского театра принадлежит самому народу. Казахский театр не вдруг появился на свет божий – он исподволь рождался во время народных празднеств, игр, состязаний. И подобно тому, как древнегреческому театру предшествовали диалоги, пантомимы, культовые игры, устраивавшиеся на площадях городов и селений в праздничные дни, так и состязания казахских певцов – айтысы, казахские игры – "молчанка", "мыршим", "хорош ли хан?" предшествовали казахскому театру".

Автор пьес "В дни борьбы", "Чокан Валиханов" и "Девушка Кашгара" негативно оценивал сценические излишества, очевидную устарелость, присущую многим театральным решениям темы современности. Говоря о первой пьесе, классик казахской литературы М. О. Ауэзов писал следующее: "Он умеет вложить в образы героев, необыкновенно

близких к своим прототипам, соответствующие их характерам слова, чувства и действия".

Его произведения "Ботагоз", "Светлая любовь" и "Балуан-Шолак" нашли сценическое рождение и наряду с пьесами писателя прочно вошли в репертуар столичных и областных театров.

И сам писатель однажды, в пору своей юности, принял участие в спектакле.

"...Осенью 1923 года, — пишет Сабит Муканов, — в самом большом клубе Оренбурга я принял участие в постановке знаменитой пьесы "Енлик-Кебек". Роль Еспембета исполнял в этом спектакле Серке Кожамкулов, ныне народный артист Казахстана, а роль Кобея сыграл я. Об игре Серке Кожамкулова много говорить не стану — он играл превосходно. Каково же было мое удивление, когда в рецензии на спектакль, опубликованный в газете "Еңбекші қазақ", в весьма одобрительных тонах не раз была упомянута и моя фамилия. С тех пор прошло много лет. Я не стал актером, но навсегда остался закоренелым театралом, пишу для театра, люблю театр".

Многие актеры оперного и драматического театров были друзьями Сабита Муканова. Он радовался их успехам и огорчался неудачами.

Особенно он любил Шакена Айманова — великого актера и замечательного человека, в котором всегда поражало его перевоплощение, при этом в каждой игре присутствует собственная концепция. Кроме того, Шакенага был исключительно музыкальным человеком и это вызвало еще большее восхищение им. Айманов часто разыгрывал бытовые мизансцены из жизни того или иного человека.

Особенно ему удавались пересказы смешных историй, случившихся с моим отцом. Мимика, подражание голосу отца, сама фабула вызывали всеобщий смех, причем больше всех смеялся персонаж поведенного рассказа — Сабит Муканов.

Открытость актера, его раскованность подкупали каждого, с кем он общался. Он бывал у нас дома и мы гордились братскими чувствами, существовавшими между актером и писателем.

Отец болезненно пережил трагическую смерть Шакена Айманова. В письме в Москву, где я проходил стажировку, он писал:

"Недавно вся Алма-Ата (и мы) переживали горе: в Москве от удара легковой машины внезапно погиб Шакен Айманов. Какой дорогой был он человек для казахской культуры! Привезли его в Алма-Ату. Похороны превратились в общенародный траур!"

Сабит Муканов часто посещал театр. Он вместе со своей неизменной спутницей, нашей мамой, не пропускал ни одной премьеры, понравившиеся спектакли смотрел по несколько раз, а классику оперного и драматического искусства любил особенно. Периодически он брал на спектакли кого-нибудь из детей и в этом можно понять стремление отца привить дочерям, сыновьям, внукам любовь к искусству, к прекрасному, облагораживающим человеческую душу. Лично я с ним слушал пять раз "Кыз-Жибек", смотрел два раза "Каракыпшак-Кобланды", три раза "Козы-Корпеш и Баян слу". До сегодняшних дней я сохранил театральные программы, которыми в детстве очень гордился.

Посещая те или иные спектакли несколько раз, или перечитывая книгу, каждый находит для себя что-то новое в трактовке образа, или же ранее не подмеченное отношение автора к герою, событию. Это видение нового и было причиной столь частых посещений Сабитом Мукановым театра, а не простое праздное любопытство. Тем более в театре, как нигде, можно наблюдать движение всех времен и увидеть небо в алмазах. Тут сменялось и поколение актеров. После посещения оперы "Кыз-Жибек" отец говорил мне: "Я видел четыре исполнительницы Кыз-Жибек: Куляш Байсеитову, Шабал Байсекову, Розу Джаманову и вот, наконец, Бибигуль Тулегенову. Все три последние певицы обладают прекрасным голосом, лучшая из них, конечно Роза. Но никто из них не достиг вершин нашей Куляш. Я не буду говорить о голосе Байсеитовой, такого соловья родит наша земля один раз в столетье. Но вот наглядно искусство актера. Когда Куляш выходила на сцену, то мы встречали ее как известную личность, т.е. аплодировали, восторгаясь ее искусством. Но стоило певице взять первые нотки, как мы сразу забывали о ней, и жили судьбой Кыз-Жибек. В чем же причина? В обаянии? Но ведь, и Бибигуль очаровательна на сцене! Нет, конечно, дело в игре. Актриса играя, имеет возможность выразить свое отношение к персонажу, и в этом отношении возникает свой колорит в исполнении роли. Как Куляш вживалась в образ Кыз-Жибек, такого еще ни достигла ни одна артистка. Куляш была не только великой певицей, но и замечательной драматической артисткой. Она никогда не оставляла равно-

душным к судьбе Кыз-Жибек, поэтому на спектаклях с ее участием многие плакали, не скрывая слез. Зритель видел на сцене не Куляш, а прекрасную, хотя и трагическую любовь Кыз-Жибек. Красочная, волшебная правда, жившая на сцене, неотразимо притягивала к себе".

Взволнованный, замороженный Сабит Муканов слушал оперу С. С. Гулак-Артемовского "Запорожец за Дунаем" в Киеве, был очарован балетом Ф. Яруллина "Шурале" в Казани, восхищался киргизской оперой "Айчурек" композиторов Малдыбаева и Фере. В 1969 году вместе с родителями я был в Большом театре на 1000-м спектакле оперы М. Мусорского "Борис Годунов". Еще в далекую пору родилось во мне огромное уважение к его артистам за душевную и умную серьезность, которая превращала актера в крупного общественного деятеля. Сабит Муканов высоко ценил титаническую работу артиста и всегда требовал к нему уважение. Мне всоминается один весенний день 1956 г. в клубе общежития московского университета. Тогда на встречу со студентами пришли участники закончившейся конференции сторонников мира, а также труппа артистов МХАТа, среди которых был В. А. Белокуров.

— Сабит Муканович! — приветствовал артист, улыбка которого запомнилась многим зрителям по экранизации в кино образа Валерия Чкалова.

— Владимир Александрович! — откликнулся отец и они тепло поздоровались. Точно не знаю, когда они познакомились, но судя по оживленной беседе, они были знакомы давно.

Я, конечно, не вслушивался в их разговор, а зачарованно смотрел на популярного артиста кино и театра с чувством восхищения.

После торжественной части состоялся концерт и отец остался за кулисами, чтобы посмотреть еще раз игру актеров любимого им МХАТа, поближе глядеть в лицо людям, которые были ему необычайно близки и дороги.

Зрителям показали отрывки из пьес, в том числе мизансцену из "Мертвых душ" Н. В. Гоголя, в которой роль Чичикова играл В. А. Белокуров. После окончания мизансцены восторженными аплодисментами несколько раз вызывали артиста на сцену. И вдруг услышали грубый окрик конферансье, зовущего артиста к зрителям: — Белокуров!

Нам всем, стоящим за кулисами, стало неловко, стыдно за тон, словно разгулявшегося купчишки.

В. А. Белокуров как-то вздрогнул, посмотрел на ведущего концерта, а у того каменное лицо, будто ничего не произошло. Тогда артист быстро накинул пальто и, ни с кем не прощавшись покинул кулисы.

Мы стояли в оцепенении, потрясенные выходкой конферансье. Отец встал, подошел к этому субъекту и сказал, чеканя каждое слово: "Прежде чем выходить к публике, научитесь вести себя, молодой человек. Вы оскорбили достоинство человека и труд артиста!"

В этом эпизоде весь Сабит Муканов, его уважение к человеку, к его работе, в данном случае, к искусству артиста.

Каждое посещение художественного театра становились событием, которое долго светило внутри тебя, помогало думать, оформляло

мысли. Начиная с 30-х годов, со времен учебы в Институте Красной профессуры, и на протяжении всей жизни он часто бывал в МХАТе. "Анна Каренина", "На дне", "Бронепоезд 14-69" и другие спектакли мхатовской сцены любил писатель. Помню как в ноябрьский день 1969 г. вместе с родителями я был на бессмертной чеховской "Чайке". Во время спектакля иногда я посматривал в сторону отца – он внимательно следил за действием с гордой радостью, которая наполняет сердце.

Творческая дружба объединяла Сабита Муканова со многими известными артистами московских театров, а в дни первой декады казахского искусства в Москве в мае 1936 года был переводчиком оперы "Кыз-Жибек" для И. М. Москвина и А. К. Тарасовой, о чем с теплотой вспоминает в своей трилогии.

Объемистая юбилейная книга о творческом пути МХАТа, хранящаяся в одной из частных библиотек, содержит многие пометки Сабита Муканова.

Однако национальное искусство казахов, мир его музыки был главным предметом восхищения и преклонения писателя. Родная земля питала его живительными соками народного творчества с самого раннего детства.

В книге А. Затаевича, видного этнографа-музыковеда, собирателя казахских народных песен и кюев, благородный читатель найдет восемь песен, сообщенных рабфаковцем Мукановым: "Қос алма" ("Два яблока"), "Қараторғай" ("Скворец"), "Тайжанның әні" ("Песня Тайжана") и другие. К песням, записанным с напева Муканова, следует примечание А. Затаевича: "С. Муканов – студент Оренбург-

ского рабфака, большой любитель родной песни, давший мне несколько ценных сообщений...".

Значит, еще в 20-е годы талантливый собиратель казахских песен и кюев отметил неподдельный интерес юноши. Впоследствии знакомства композитора с писателем переросло в дружбу, в творческое содружество, о чем говорит надпись на фотографии А. Затаевича.

Более глубокому знакомству с казахской музыкой Сабит Муканов обязан выдающемуся композитору и теоретику музыки Ахмету Куановичу Жубанову.

"С первых дней знакомства и нашей дружбы, — пишет Сабит Муканов в своих воспоминаниях, — Ахмет Жубанов показался мне своеобразным и глубоко мыслящим человеком, и при каждой встрече он высказывал мне интересные мысли о казахских музыкальных инструментах, о народных музыкантах-певцах и инструменталистах прошлых веков".

Эти слова он произнес в 1928 году. На протяжении всей многолетней дружбы шло взаимное обогащение: писателя музыкой, композитора литературой.

Образ обаятельного, всегда спокойного, человека большой культуры и мысли, каким был Ахмет Куанович помнят современники, даже не близкие к его окружению. Я иногда бывал рядом, когда встречались писатель и композитор и всегда удивлялся эрудиции Ахмета Жубанова. Его тон, отнюдь не нравоучительный, а доверительный всегда вводил в неведомый мир, обогащал духовно каждого собеседника и, несомненно, имел благотворное влияние на Сабита Муканова.

“Если М. О. Ауэзов, — пишет писатель, — создал в художественной литературе образ великого Абая, то аналогичное место в создании образа кюйши и композитора Курмангазы принадлежит академику А. К. Жубанову”. Однажды отец сказал: “Каким большим человеком был Ахмет! И душой своей, и культурой. Его высокий профессионализм сочетался с глубиной народности. Он первый казах, соединивший эти два начала, необходимые для большого композитора, Ахмет сыграл такую же роль в казахской музыке, какую Глинка — в русской”.

Сабит Муканов поддерживал каждого, кто пропагандировал казахское музыкальное искусство. Он радовался любой публикации по этому вопросу и в меру своих сил поддерживал искусствоведов. В. Мессман на титульном листе своей книги, посвященной творческому пути театра оперы и балета им. Абая, оставил следующую надпись:

“Сабиту Муканову — выдающемуся писателю и крестному отцу этой книги”.

Крестным отцом считали его многие музыканты, в том числе и одаренный молодой домбрист Шамиль Абильтяев. Этот юноша часто по воскресным дням звонил отцу и, узнав о его незанятости, приходил со своим инструментом. И весь день в нашем доме звенела музыка. Отец иногда подпевал игре домбриста и Шамиль, чувствуя, что песня понравилась, играл ее дольше. Мне казалось, что отец, слушая музыку, мысленно пролистывает страницы своей жизни, вспоминает события, лица друзей, свое далекое детство и юность.

Мир искусства, мир народной песни был той питательной средой, в которой формиро-

валась личность писателя. Корни его таланта уходили в среду, которую мы зовем народностью.

Выдающийся русский скульптор С. Т. Коненков образно говорил о месте и назначении художника в жизни общества, независимо от того, в какой области искусства или литературы он занят: "Всему лучшему в себе художники обязаны народу. Его думы и чаяния мы стремимся выражать всю свою жизнь. Мы богаты богатством его культуры, самобытностью его образа жизни, поэтичностью его мировоззрения. Всегда перед людьми искусства будут стоять возвышенные цели. Немыслимо даже приблизиться к их разрешению, не впустив в свое сердце все заботы, все радости жизни народа".

Действительно, сердце Сабита Муканова было наполнено всегда заботами и радостями народа. Настоящий большой писатель может родиться лишь из большого человека. Ведь литература – это мышление; следовательно, писатель это мысль, а мысль – это производное от сердца, разума и гражданской совести: это большая любовь к своей стране к родному народу.

СТРАНИЦЫ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

У каждого человека в кругу его семьи бывает наиболее близкий друг, без которого немислима его жизнь. Такое единство судьбы и называется человеческим счастьем.

Самым близким человеком для Сабита Муканова была его жена Марьям Кожахметовна,

которую все мы, шестеро ее детей и двенадцать внуков, одиннадцать правнуков, ласково называли Мусей. Такое прозвище наша мама получила от своих внуков.

Когда малыши только начинали осмысленно обращаться к окружающим и, в первую очередь, со словом "мама" к матери то, мои сестры Баян и Жанна в шутку твердили им, переиначив на русский лад казахское имя: "Какая это мама? Это Маруся! Повтори: МА-ру-ся".

Детям не под силу было выговорить столь длинное слово и кратко произносили: "Муся". Это прозвище и закрепилось за мамой.

Щедрое душевное богатство присуще нашей маме. Стройная, красивая девушка росла, как и многие ее сверстницы, в юрте кочевника под строгим присмотром от постороннего мужского взгляда. Ее, как многих других, готовили к самостоятельной жизни, желанным условием которой было богатство и знатность жениха.

И вот появляется жених, который, кроме одежды, да поношенной шинели, ничего не имел, как говорят, за душой. Помимо того, сама личность жениха пугала родителей невесты. В округе за отцом сохранилась его кличка "Қара бөрік" ("Черная шапка"), с тех времен, когда он в частях особого назначения с маузером и в черной шапке участвовал в подавлении антисоветских мятежей, а позднее – в компании раскулачивания.

Сватовство и женитьба хорошо описаны писателем в автобиографической "Школе жизни", но хотелось бы отметить следующее.

Мама иногда, в минуту семейного откровения, смеясь говорила нам.

— Как могла я выйти замуж за вашего отца? Ведь он не имел не то что юрты, а даже коса — пастушеской палатки. Как могла выйти за этого бужура (так называют лицо человека со следами былой оспы)?

Действительно, красавица-невеста и жених без кола и двора. Но нельзя забывать, что отец всегда отличался внешним обаянием и, несомненно, это и покорило девушку. Но самое главное — неокрепшая душа милого создания поддавалась сильному характеру жениха, о чем наша мама часто говорила: "Он как-то околдовал меня и я, как послушная овечка, шла за своим пастухом".

Узы семьи Мукановых, истинная дружба супругов крепла из года в год, пройдя радости и невзгоды, а трудностей на их пути было предостаточно. Они часто вспоминали студенческие годы отца, время его учебы в Ленинградском государственном университете, Институте восточных языков и Институте Красной профессуры в Москве, когда семья жила на стипендию студента и заработок швей. В то время мать подрабатывала, имея на руках троих детей. Мама и позже с горечью вспоминала, что, проважая и меня в детский сад, не могла дать нам в руки печенье или конфетку. Но несмотря на безденежье, дружба и согласие царили в нашей семье. И в этом большая заслуга мудрой мамы.

Любовь и крепкие узы проверяются на прочность в тяжелые минуты, дни, годы. Отец любил вспоминать: "Был и голод и холод, но никогда в нашей семье не проявлялось недовольство. Наша бедная мать (как только она умудрялась) всегда старалась создать мак-

симум условий для моей учебы, для сохранения нашей семьи. Она человек твердого характера и большой души. И я всегда относился к ней бережно и нежно. Почему ты спросишь? Ты же знаешь, как много было детей у моих родителей и притом, до меня — все девочки. Я с самого детства познал горькую судьбу своей матери и моих сестер, вспоминаю об этом со слезами на глазах. И вот, всю их боль я хотел уничтожить в твоей матери. Нет ничего выше матери, а она мать моих детей, так пусть все блага и радости достанутся в первую очередь ей".

Он нежно и бережно относился к жене, к своим дочерям. Когда мы, мальчишки, обижали своих сестер, он строго говорил нам: "Деритесь между собой сколько хотите, но сестер обижать не смейте. Вы когда подрастаете, разлетитесь кто куда, по своему желанию создадите семейные очаги. А ваши сестры — в чьи руки они попадут, в добрые или нет? Вы об этом подумали? Так пусть же они всегда только с радостью вспоминают свое родное гнездо".

Наша мама в строгости воспитывала дочерей, приучала их к порядку и ведению хозяйства, учила шить, вязать и т.д. Отец же, наоборот, ни в чем не отказывал, иногда слепо выполняя бесконечные их просьбы. Но наряду с этим он строго требовал от девочек хорошей учебы. Кроме того доброта отца никогда не выходила за рамки строгости нашей мамы.

Отец любил мать за то, что ум и сердце ее не разьединены с ее волей и силой. За то что, гордая своей правотой, она могла пройти через суровые испытания.

Мы, дети, ни разу не слышали, как ругались родители. Даже, когда мама повышала голос, недовольная чем-нибудь, отец никогда не вступал в пререкания, а умолкал, сидел слегка наклонив голову. Это была не слепая покорность человека, а необходимый для мужчины такт, большое уважение к женщине.

Все дела семейные, будь то бюджетные вопросы или воспитание детей, текущие дела или планы на будущее – все это решалось в добром совете папы и мамы. Для отца была характерна величайшая непрактичность. К своей беде, он этого не понимал и все, что делал считал правильным, но совершенное часто оказывалось неразумным. Поэтому он всегда прислушивался к совету жены и следовал ее жизненному опыту.

Наша мама была для него добрым опекуном. Непритязательный к еде, он вообще мог забыть об обеде, но мать во время накормит. Собираясь куда-нибудь, он мог надеть неглаженный костюм, поэтому жена при помощи внучки Найли снаряжала его, смотря по погоде и месту, куда он едет. Вообще экипировка папы вызывала всеобщее веселье, особенно когда родители собирались в театр. У отца всегда был любимый костюм, который, естественно, со временем изнашивался, но он старался одеть именно этот наряд. Между Найлей и "аташкой" шла война – во что одеться? Победа оказывалась всегда на стороне внучки. Мама же шутя говорила:

"Куда вы его наряжаете?"

– Конечно, – отвечает Найля, – сама оделась, как королева испанская, а муж черт знает во что!

Найля, ныне директор дома-музея С. Муканова, была незаменимым "камердинером атушки". Стоило отцу позвать ее, как мы знали, что он куда-то уходит.

В творческих поездках Сабита Муканова всегда сопровождала жена. Но коль случалось, что он уезжал один, то через несколько дней раздавался телефонный звонок, после чего мама улетала к нему. Если это было возможно, то они вместе совершали заграничные путешествия. Вместе они увидели страну восходящего солнца – Японию, чудеса Индии, древности Египта, святые места арабского мира, ренессанс Франции, туманы Лондона и Злату Прагу. Отец, любознательный по своей натуре и непоседливый человек, привил в супруге любовь к скитаниям.

Я помню золотую осень северного Кавказа. В 1969 году мы отдыхали в одном из санаториев г. Кисловодска. Стояла та пора, когда шафранный цвет увядания только начал ложиться на буйное многоцветие лета.

Однажды вечером мы стояли у знаменитой Кольцо-горы. Вспомним, как М. Ю. Лермонтов описывает вечерние часы этих мест:

"Верстах в трех от Кисловодска, в ущелье, где протекает Подкумок, есть скала, называемая Кольцом; это ворота, образованные природой; они поднимаются на высоком холме и заходящее солнце сквозь них бросает на мир свой последний пламенеющий взгляд".

Любуясь этим чудесным зрелищем мама сказала:

"Точно такие лучи проникают в вечерние часы через открытый шанрак-купол юрты".

Отец рассмеялся и шутя заметил:

— Быть тебе писателем, Маке! Нечто подобное подметил еще Лермонтов.

Многое из жизни М. Ю. Лермонтова, связанное с Кавказскими минеральными водами мы слышали из уст отца. Мы побывали почти во всех местах, связанных с именем поэта: в Кисловодске у старой гостиницы, где часто останавливался Михаил Юрьевич, на месте некогда существовавшей реставрации и павильона минеральных источников, где зарождались отдельные главы "Героя нашего времени" и т.д.

Подобно тому как яснополянский дуб, описанный Л. Н. Толстым, стал как бы священным местом почитателей таланта великого русского писателя, так и скала Грушницкого, расположенная недалеко от Кисловодска, влечет к себе благородных читателей М. Ю. Лермонтова. Мы долго стояли у этой величавой скалы и долго слушали рассказ о дуэли Печорина и Грушницкого, которые в устах отца звучали убедительно, красочно и образно. Я ловил себя на мысли, не перевод ли это лермонтовского отрывка на казахский язык?

Возвращаясь в город, отец попросил меня продолжить пересказ из жизни лермонтовских героев. Моего воображения хватило минут на десять.

— Скучно ты рассказываешь — сказала мама и попросила отца дополнить, вернее заново рассказать о Печорине, Грушницком, княжне.

— Ну и костный язык у тебя, — сказал отец, — разве так передают великие творения? Тебе как историку особенно необходимо владеть красотой и легкостью, повторяю легкостью языка в изложении. Ведь история — это наука

фактов, событий и дат. Тут можно очень легко увести читателя в дебри сухого повествования и вызвать у него скуку. Учись историческому повествованию у академика Тарле. Я уже не буду говорить о его "Наполеоне", ты его читал, я знаю. А читал ли ты его "Крымскую войну", которую тебе подарил? Читал, хорошо. А "Жерминаль"? Нет, говоришь? И он начал увлеченно рассказывать о событиях французской буржуазной революции, происходивших в месяцы жерминаль и прериль.

Однако мама прервала нашу беседу и вновь попросила рассказать о лермонтовских героях.

Мама как и многие ее сверстницы того далекого времени, была лишена возможности учиться в школе. Однако родители все же обучили ее арабской графике и она хорошо читала старые книги. В 30-е годы она, мать четверых детей, закончила классы ликбеза. Несмотря на столь невысокий образовательный ценз, женщина обладала цепкой памятью и жаждой познать интересные события окружающей жизни. В этом отношении для нее университетом культуры были рассказы отца, театры и кино.

"Анну Каренину" Л. Н. Толстого она познала через спектакль МХАТа, а ее героиня созданная А. К. Тарасовой, осталась навсегда в ее памяти. Когда скончалась выдающаяся артистка, и я об этом сказал маме, то она присев на стул, спросила:

– Неужели это та артистка, что играла Анну Каренину? Как она хорошо играла! Мы с папой видели ее в спектакле еще в 30-е годы. Мир ее праху!

Однажды зимой 1950 года, когда проходил пленум Союза писателей СССР, отец не мог составить нам компанию, и мы с мамой вдвоем смотрели в театре им. М. Е. Ермоловой пьесу А. П. Глобы "Пушкин", повествующую о драме последних месяцев жизни поэта, образ которого блестяще сыграл тогда еще молодой, но талантливый артист В. Якут. Мама сразу же уловила сложность происходящих событий, протест поэта и защиту им чести своей семьи от надругательства придворного Петербурга. В антракте я, как мог, пытался разъяснить маме, в какую трудную эпоху жил и творил поэт, о его трагедии.

Вернувшись в гостиницу, мы застали папу в номере. И вот за вечерним чаем, мама по просьбе отца рассказывает о виденном в театре. Как увлеченно она рассказывает! Нить событий в ее руках, она дает характерное описание каждому персонажу пьесы, а мы оба внимательно слушаем.

Посредством опроса или под видом мирной беседы отец стремился расширить кругозор нашей мамы. Он всегда стремился сделать достоянием ее внутреннего мира все лучшие достижения человеческой культуры.

Но вернемся к тем осенним кисловодским дням. Однажды ранним утром мы втроем поднимались на вершину горы встречать солнце, когда оно багровым диском появляется из-за отрогов Кавказского хребта и расплескивает осенний холодный пурпурный цвет на увядшие травы, на синеву кипарисов и зелень сосен. В эти утренние часы вся гора, словно горит спокойным пламенем, и поэтому она названа Красным солнышком. Стоим отрешенно.

шенные от всего и погруженные в чудо пробуждающейся земли.

Вдруг слышу вопрос отца:

— Маратик, помнишь ли ты, какой сегодня памятный день?

Как не старался я напрячь память, но его вопрос остался без ответа.

— Сегодня 15 октября, — продолжал отец, — день рождение Лермонтова. Надо обязательно побыть на горе Машук, месте дуэли и гибели поэта. Вообще, интересные парадоксы случаются в жизни. Лермонтов, следуя в изгнание на Кавказ, шел в эти места, как к матеке-земле. Однако многие шедевры им созданы на этой земле. Кавказ стал для русского поэта роднее "немытой России", России помещиков и самодержца.

Когда мы спустились с Красного солнышка, я спросил:

— Папа, неужели ты помнишь дату рождения Лермонтова?

Он засмеялся и ответил:

— Дату рождения напомнила мне книга, подаренная тобой накануне.

Он имел в виду небольшую книжку "Кисловодск", где есть страницы, посвященные лермонтовским местам на Кавказе.

...Молча стоим у скромного обелиска, сооруженного на месте гибели поэта. Воображение невольно создает картину дуэли: хладнокровный убийца наводит пистолет на грудь поэта, легкий дымок во след ушедшей пули. Молча, роняя пистолет, приседает поэт и беспомощно падает на землю...

К судьбе М. Ю. Лермонтова в полной мере относятся слова А. И. Герцена: "Со времен

Возрождения талант становится до некоторой степени охраной: ни Спинозу, ни Лессинга не садили в темную комнату, не ставили в угол; таких людей иногда преследуют и убивают, но не унижают мелочами; их посылают на эшафот, но не в рабочий дом".

Мама подошла к обелиску, бросила по казахскому обычаю, щепотку земли, сказала:

"Пусть земля ему будет пухом!"

— Маке, — обратился отец к маме, — здесь он был убит, а похоронен в России, в Тарханах.

Мама удивилась, но твердым убеждением произнесла:

— Все равно, мир его праху. Ведь на этом же месте пролилась его кровь. Расскажи, как в то время перевезли его тело? На лошадях?

— Не только на лошадях, это произошло почти через год после его гибели — ответил папа и начал печальное повествование.

Мама внимательно слушала и прониклась глубоким уважением к бабушке поэта, безмерно любящая своего внука и сделавшая все, чтобы прах поэта покоился в родной русской земле.

После столь грустного рассказа мы молчали по шумным улицам Пятигорска.

— Да, — тихо сказала мама, — сердце бабушки добрее сердца матери. Вот только, что ты рассказал о бабушке Лермонтова. Хорошая бабушка была и у Пушкина.

При этих словах я посмотрел на нее, затем на отца, и понял, что речь идет об Арине Радионовне, любимой няне великого русского поэта.

Приятно смотреть на моих стариков: отец, чуть припадая на левую ногу, нежно ведет спутницу своей жизни по подъему пятигорской улицы, и они тихо мирно беседуют.

— Марат, вообще бабушкам всего мира нужно поставить памятник. Верно? — сказала, смеясь, мама.

Наши дни отдыха на Кавказе были заполнены интересными экскурсиями. Предстояла поездка отдыхающих к двуглавному Эльбрусу. Мы с мамой думали: брать или не брать отца? Ведь до Эльбруса свыше 250 км, а в оба конца — более 500 км, да полдня надо находиться у его подножья. Решили ехать без него. Узнав об этом, отец сказал:

— Нет друзья мои, побывать на Кавказе и не повидать Эльбрус!? Я еду!

Мы знали любовь отца к природе, его жажду к скитаниям и не стали ему перечить. Тем более я припомнил строчки из его письма, написанного за несколько месяцев до нашей поездки на Кавказ.

"Думал в этом году уехать, где-то в апреле, на Северный Кавказ. Тому способствовало приглашение из Карачаево-Черкесской автономной области. Ты знаешь, что я лучше отдыхаю в поездках, чем живу долго в одном месте, хотя бы это был курорт".

Путь к подножью Эльбруса был очень интересным. Наш гид, молодая черноглазая карачаевка, живо и увлекательно рассказывала о природе, исторических событиях, происшедших в местах, которые мы проезжали. По просьбе отца я вел записи и мое перо (записи велись на ходу) порою выводило ужасные каракули, похожие на скальные изобра-

жения наших предков. Этот блокнот хранится в архиве писателя.

Было несколько остановок в Баксанском ущелье. Мы долго стояли у памятника героическим защитникам Северного Кавказа в период Великой Отечественной войны, созданный по проекту Крым-Шамхалова.

Наконец вот оно Предэльбрусье! Канатная дорога поднимает на гору Чегет, откуда открывается панорама Эльбруса, чарующая глаз. Склоны Эльбруса, да и местами венчающие его "девичьи груди" (так с языка одного из кавказских народов переводится название двуглавой горы), сереют следами летних проталин. Но скоро, очень скоро прилетит зима с Клуторского перевала, закружит снежной пургой и оденет в белый наряд кавказскую красавицу. Дыхание зимы уже чувствуется. Мама кивком головы показывает на отца и шепчет мне:

— Не пора ли нам спускаться вниз. Холодно.

Я подошел к отцу, но не осмелился прервать его раздумий и нарушить состояние отрешенности. Интересно наблюдать за ним в такие минуты: он стоит в свободной позе, чуть наклонив голову к плечу, и долго любуется предметом своего созерцания. Иногда легким шажком меняет положение ног.

— Папа, ветер усиливается, холодно, пора спускаться, — кричу я решительно.

— А где Маке? Действительно холодно. Идем на спуск, — ответил папа и мы направились к площадке канатной дороги, где нас ожидала мама.

Спуск по канатной дороге приводит в восторг любителей острых ощущений больше,

чем медленный и плавный подъем. Один на один с пропастью. Такое охватывает ощущение будто вот-вот сорвешься на гребни острых скал.

Я начал побаиваться за стариков, вернее за отца. Знал что мама все может выдержать, но папа...? Тихо посоветовались с мамой и решили: на первом кресле поеду я, за мной отец, замыкать будет мама.

Крутится огромное колесо канатной дороги, движется трос с креслами. Садится турист, накидывает заградительную цепочку, и, плавно качнувшись у окончания площадки, спускается к подножью Чегета. Изредка оборачиваясь, поглядываю за папой. Вдруг канатная дорога остановилась, затем немного подалась обратно вверх и вновь замерла. С тревогой смотрю на отца и на висящее сверху кресло с мамой, которая машет мне рукой, давая знать, чтобы я не обращался к папе. Отец несколько раз оборачивается к маме, но чаще смотрит по сторонам, словно любясь величавой панорамой Ф. А. Рубо.

Наконец канатная дорога вновь завертелась, и мы благополучно спустились на площадку нижней станции.

– Ну как, не очень было страшно? Я так за тебя боялся, Маке, – сказал с неподдельной тревогой отец, обращаясь к жене.

– Ничего, все хорошо – ответила мама, взяла отца под руку и мы направились к автобусной стоянке.

Остановка канатной дороги, как выяснилось позже, была вызвана испугом женщины перед открывшейся пропастью. Механики вынуждены были прекратить спуск и поднять

обратно на площадку, бьющуюся в истерике женщину.

— Ты знаешь, Марат, как я боялась за Сабита! Ведь я стала замечать иногда что-то неладное с его сердцем. Слава богу, все обошлось хорошо, но надо быть осторожным в дальнейшем, — доверила мне мама, когда мы были наедине с ней.

В Кисловодск вернулись поздно ночью, усталые, особенно утомился отец. Я смотрел на него и думал: "Да, года берут свое!"

Через несколько дней предстояла экскурсия в Теберду, в один из красивейших заповедников мира. Конечно, ни о какой поездке отца вместе с нами не могло быть и речи. Расстояние от Кисловодска до Теберды более 500 км, ночевка в картонных домиках Северного приюта и сложный подъем на плато к подножью горы Спящая красавица — все это, конечно, не для семидесятилетнего человека. Какой натиск пришлось нам выдержать со стороны отца, который желал ехать с нами! Но в любом споре последнее слово оставалось всегда за мамой и он сдался.

— Как ты будешь там без меня, Маке? — раздосадованно разводил он руками, — смотри, Маратик, за мамой.

Меня всегда удивляло, с какой чуткостью и вниманием отец относился к ней, хотя в опеке больше нуждался он сам, чем кто-либо другой.

Как мы были правы в своей настойчивости, не взяв отца на Теберду! В домике Северного приюта в позднюю октябрьскую ночь было настолько холодно, что мама легла в постель, даже не сняв пальто и укрывшись двойным одеялом и моей верхней одеждой, так и не

согрелась, и не сомкнула глаза до утра. Пребывая в легкой дреме, она то и дело повторяла:

– Боже мой, как хорошо, что не взяли Сабита! Чтобы с ним было, Марат? Я бы себе этого никогда не простила.

Мы совершили увлекательную прогулку. Мама не в пример многим молодым, отказавшихся от трудного подъема, бодро шагала вместе с нами до конечной цели – к подножью спящей красавицы. Георгий Гайкович, начальник одного из угольных бассейнов бывшего СССР, наш признанный староста экскурсий, видя выносливость мужественной женщины, неоднократно говорил: "Да, Марьям Кожахметовна, вернемся в санаторий и выьем вам золотую медаль в память об этом походе".

Мама нет-нет, да и вспомнит:

– Как там Сабит? Наверное поесть забудет, этого можно от него ожидать.

Вернулись в санаторий на следующий день поздно вечером. Папа встретил нас у корпуса, весело радуясь возвращению родных. Заботливый глава семейства выпросил у какой-то нянечки электрический чайник и ожидал нас с горячим, бодрящим напитком. Во время чаепития, глядя на то, как отец аппетитно уплетал все на столе, мама спросила:

– Ты сам то как здесь, ел вовремя?

– Да конечно, – последовал ответ, – только вот на ужин не ходил, вас ждал. Мы с мамой переглянулись, обед-то был в 2 часа, а сейчас время к полуночи! Вот таким он был, порою забывал о трапезе.

На следующий день ко мне подошел отдыхающий из Чечено-Ингушетии и сказал: "Во время вашего отсутствия, заменяя вас, я

водил Сабита Мукановича в столовую. В день вашего отъезда Сабит Муканович прогуливался у Красных камней. На вопрос: "Ужи-нали?" он ответил, что нет. Мы пригласили его в столовую и чуть ли не насильно усадили за ужин".

Те далекие прекрасные дни, проведенные на Кавказе, сохранились на многих фотографиях, снятых мною, где отец рядом со своим самым близким другом – нашей мамой запечатлен среди величавой кавказской природы. Эти снимки напоминают о человеке, занимавшем главное место в жизни его жены, которая хранила их как бесценную память.

ДНИ И НОЧИ ТРУДА

В 20-е годы, в период формирования и становления писателя, по его словам, времени для творческой работы, как такового, не было.

Вспоминая те далекие годы, писатель часто говорил:

"Молодость, молодость, какая у тебя неиссякаемая затаенная сила! Бывало во время учебы на Оренбургском рабфаке придешь с занятий, только возьмешься написать стихотворение на волнующую тему и вдруг голос: "Эй, Сабит, пошли на диспут!" или еще куда-нибудь. Откладываешь перо и бегом на собрание. А диспуты были бурные, засиживались за полночь.

И после окончания рабфака у меня мало было писательского времени. Писал я, как говорится, урывками между боями. Когда я был в рядах ЧОН, по борьбе с кулацкими мятежами, у меня была тетрадь, где записывал свои стихи между боями. Но она так и пропала в те годы. Потом, будучи председателем ревкома и занятый в основном борьбой с байством, мало, но все же писал! Нужна, видимо, безграничная любовь к поэзии, вера в свое назначение как поэта, чтобы творить в те годы".

Страницы третьего тома "Школы жизни" раскрывают перед читателем ту сложную обстановку, в которой мужала и крепла молодая поросль пролетарской литературы. Они тогда все душой приняли революцию, думая, что человечество вступило в решающую фазу своего исторического развития, когда она может утвердить все прекрасное на земле, за которое люди отдавали всю жизнь свою и все силы, за светлое будущее умирали и убивались пророки.

В 1924 году писатель обратился с письмом в ЦК РКП (б) с просьбой о содействии в издании своего сборника стихов. К письму отнеслись внимательно и сборник был отрецензирован, где отмечались хорошие и слабые стороны.

Перечитывая рецензию, — пишет Сабит Муканов, — я обратил внимание на резолюцию в левом уголке: "МОСКОВСКОМУ ВОСТОЧНОМУ ИЗДАТЕЛЬСТВУ!

Отобрать лучшие стихи из сборника товарища Сабита Муканова и издать сборник.

И. Сталин"

Да, трудным, но героическим было то смутное время. В 1924 году Сабит Муканов писал:

"Мы вынесли много нужды и беды,
Но жизнь изменилась у нас.
Люди боролись и были горды,
Класс их — и мой класс".

В антогонистической борьбе гибли лучшие друзья Сабита и юноша клялся на их могилах:

"Стойко встретил я горе. В ладони я брал
эту землю, прощаясь с тобой.
Я клянусь тебе, брат, я клянусь тебе, брат:
Не отомщенным не будешь родной".

Позднее, в 1933 г. в стихотворении "Здравствуй, май!", опубликованным в первомайском номере "Известий" и явившимся своеобразным поэтическим приветствием, Сабит Муканов писал:

"...мы прорвали
Цепи и веревки,
И в Октябре зажгли большой маяк.
Трудящимся мы роздали винтовки,
И давний враг разгромлен был в боях.

Пятнадцать лет,
Как сабли отсверкали:
Страна советов крепче, чем гранит.
товарищ Май, на нашем пьедестале
Звезда пятиконечная горит".

Сабит Муканов гордо называл себя "сыном земли", "поэтом и каменщиком" родной отчизны. В те годы поэт чтит величие страны и чаял, требовал величия для ее будущего.

Революция давала литературной молодежи материал и опыт. Но палитра молодых, как правило, вначале была бедна, им не хватало красок для полногослого повествования о своей эпохе. Поэтому им обязательно следовало воспользоваться тем литературным наследством которое ближе всего стояло им по духу и времени. И здесь именно М. Горький сыграл неизмеримую роль в оформлении молодой литературной поросли.

Слушая напутствие пролетарского писателя, Сабит Муканов делегат 1-го съезда определяет свое жизненное кредо: всегда быть в гуще Союза писателей, созидания нового социалистического общества, отражать на страницах своих произведений его "миллионные саженьи". Вот что писал в те годы о себе: "Я себя отношу к категории тех писателей, ко-

торые свои основные задачи в литературе видят в отражении той эпохи, в которой они живут. Если взять все мои произведения, написанные за все время моей писательской деятельности и принять их за сто процентов, то из них не менее 95 процентов посвящено темам советской современности".

Исследование творческой лаборатории писателя начинается с изучения ее простейших форм, т.е. в каких условиях и как создавал свои произведения мастер слова. Например, наиболее гениальные произведения вышли из под пера Л. Н. Толстого в знаменитой мансарде яснополянского белого дома с колоннами. Чехов мог творить в любых условиях, даже когда дом был полон людей, а он, примостившись на подоконнике, мог писать рассказ. "Старик и море" – этот торжественный гимн человеку, создавался Хэмингуэем в заброшенном домике на берегу Карибского моря.

Примеров индивидуального почерка писателей в создании своих произведений очень много. Я бы хотел начертить лишь наброски к портрету отца, могуче вставшего на рубеже двух значительнейших наших эпох.

ЧАСЫ РАБОТЫ

Световой день Сабита Муканова почти целиком уходил на работу в творческих организациях.

В 1936 году после окончания Института Красной профессуры, он был назначен председателем Правления Союза писателей Казахстана и с небольшим перерывом (1938-1941)

исполнял эту работу до 1951 года. Если к этому присовокупить различного рода собрания и совещания, то станет вполне понятным, что для творческого труда оставались лишь ночные часы. Необходимо было как-то урегулировать канцелярскую работу и труд писателя, так как все же основное назначение писателя творить, создавая литературные образы. Поэтому Сабит Муканов установил для себя режим дня, которым придерживался примерно до начала 50-х годов.

Домой он возвращался, обычно, к 18-19 часам. После ужина уделял часа два детям и другим семейным делам. Мы, малыши особенно любили эти вечерние часы, они были заполнены рассказами, часто из жизни отца. Смешные, забавные или же печальные воспоминания из прошлого никого не оставляли равнодушным. Порою взрыв смеха сотрясал стены нашего небольшого дома на Артиллерийской улице, где наиболее продолжительно жила дружная большая семья Мукановых (сейчас на том месте, ныне по ул. Курмангазы, стоит пятиэтажное здание). Иногда все умолкали, слушая печальное повествование о далеком детстве. В эти минуты мама незаметно подносила платок к глазам и тихо вздыхала. Но такое тягостное настроение продолжалось недолго и вновь неиссякаемый юмор отца вызывал веселье.

Особенно он тепло вспоминал счастливые дни трудового детства, которые сохранились в памяти навсегда.

"Я очень хорошо помню, — рассказывал он нам, — как мой отец, посадив меня на шею, шел на сенокос. Мне было три года, когда жили у

озера Дос. Помню, отец идет быстрыми шагами, в руке у него коса и легкий узелок еды. Я, как на коне, подпрыгиваю на его шее. Придя к месту покоса, он разводит костер из кизяка, дым которого немного отгоняет всякий гнус и, посадив меня, уходит косить.

Слышу удаляющийся звон косы. Сам себя шлепаю нещадно, так как дым мало спасает от комаринных укусов.

Наконец приходит родной. Стоит передо мной будто великан, потный от работы, то и дело вытирая лицо подолом рубахи. Затем ласково берет малыша на руки, нежно гладит по головке и треплет за ухо. Глаза у него веселые, сияющие.

Начинаем кушать, а еда то состояла из небольшой крынки кислого молока, да курта – сушенного соленного творога. Хлеба я, кажется, и не ел в детстве. Помните я показывал вам эти места?". Обращение относилось к Арстану и мне. Конечно, помним, как в 1938 году отец и я с братом посетили места его детства и долго стояли у еле заметно возвышающейся могилы дедушки и бабушки посреди многочисленных холмиков родового кладбища.

Отец всегда считал себя вечно обязанным памяти родителей и, как одно из проявлений этого долга, в 50-е годы воздвиг скромный черный обелиск над могилой своих родителей – Мукана и Балсары.

Так проводили вечерние часы ежедневно, если родители не собирались куда-нибудь уходить, то с 20 и до 24 часов отец отдыхал. В эти часы в доме стояла тишина, каждый занят своим делом.

Когда устанавливалась ночная тишина, мама будила отца и он, немного поговорив за вечерним чаепитием удалялся к себе в кабинет. Окна рабочей комнаты, если стояли теплые и даже прохладные дни, всегда были открыты настежь.

Работал он увлеченно, получая истинное удовольствие от нелегкого труда писателя. Это было видно хотя бы по его внешнему виду в те утренние часы, когда с приподнятым настроением нежно будил детей, собирая их в школу. В нем не чувствовалось усталости, он искренне радовался пробуждению дня.

В утренние часы его можно было видеть шагающим по тихим, еще непроснувшимся улицам города.

Отправив ребятишек в школу, он отдыхал часа два, после чего начинался обычный трудовой день руководителя организации, с бесконечными совещаниями, приемами и каждодневными хлопотами. О плодотворности ночных часов работы писателя могу судить по тому времени, когда я учился в старших классах и иногда с разрешения мамы, мог вернуться домой позже обычного. Когда я заглядывал в кабинет, он поворачивался ко мне, легко кивал головой, будто говорил: "Вернулся?"

Я уходил на кухню, готовил чай, зная, что он не столько нужен мне, сколько отцу. Звал отца и мы чаевничали. Он не спрашивал, где я был, видимо, полагая, что в дела молодых вторгаться не тактично. Мы перебрасывались незначительными фразами о событиях минувшего дня, но чаще он молчал, взгляд его был задумчив. В эти минуты он пребывал всецело

в своем писательском мире, мысленно создавал страницы жизни литературных героев. Посидев за столом, обычно говорил:

— Я пошел, Маратик, туши свет и ложись.

Затем он продолжал трудиться с большим упорством.

Начиная с 50-х годов режим дня писателя изменился, чему способствовал уход с руководящей работы в Союзе писателей. Но день этого человека часто, как и прежде, был заполнен участием в работе творческих и научных организаций. Много времени уходило на общественно-государственную деятельность. На протяжении многих лет Сабит Муканов был членом ЦК Коммунистической партии Казахстана, депутатом Верховного Совета Казахской ССР, членом многих комиссий, являлся действительным членом Академии наук Казахстана, избирался делегатом различных съездов и т.д. Была умная и романтическая привлекательность в нем. Он считал, что оказал народ высшее доверие, избрав делегатом на XXIII съезда КПСС.

Но несмотря на все это, днем литератор стал больше работать. Мы чаще стали видеть его в рабочей обстановке и именно тогда почувствовали насколько труден и мучителен труд писателя.

Не следует забывать, что и возраст со временем дает о себе знать. Годы молодые, полные неудержимой энергией, проходят и старость, говоря словами Алексея Суркова, "подкрадывается серой волчицей", родник бодрости постепенно иссякает.

Как ни парадоксально, у человека творческого с возрастом, жизненным опытом и

накопившимся багажом знаний, планов и задумок становится больше. Талант писателя, подобно плодоносному дереву, набирает живительные соки, дает плоды осенью, если можно так выразиться. Талант крепнет с годами и наиболее проявляет себя в зрелом возрасте. Например, В. Гюго написал "Отверженные", когда ему было за 60 лет; вторая часть "Фауста" Гете создавалась поэтом, когда ему шел девятый десяток.

Прочитайте стихотворения А. Тажибаева 70-х годов о смысле жизни и небытия, о красоте окружающего мира, о верности и дружбе, и вы поймете, что он пишет с бережливой памятью в зрелом возрасте.

"Путь Абая" был делом всей жизни М. Ауэзова и не умер бы он преждевременно, дополнил бы еще замечательными книгами сокровищницу казахской литературы.

Мне посчастливилось быть свидетелем зарождения многоплановой темы у А. Нурпеисова. В конце 40-х годов начинающий писатель жил у нас и заканчивал свой первый роман "Курляндия". Однажды поздним вечером мы прогуливались по темным аллеям города.

— Каковы твои планы? — спросил я.

— Меня волнует одна тема — эта тема история моего края, — начал Абдижамиль. — Ты знаешь, я сам с Арала. Хочу показать рост самосознания родного народа, потребность его в свободе, протест против угнетения. Работа предстоит очень большая, повествование будет состоять из нескольких книг. Называться роман будет "Кровь и пот".

Так изложил свои планы писатель. Закончил свою трилогию А. Нурпеисов уже зрелым

мастером. В 1974 году присуждена Государственная премия СССР за его творение, к которому мы обращаемся сегодня как к живому роднику патриотического мышления.

Подлинное народолюбие всегда было сопряжено в литературе с гражданским отношением к проблемам жизни народа, с готовностью на борьбу за счастье его. Преданность писателя родной земле, его сыновняя любовь к ней вмещает боль, тревогу, жажду битвы, стремление видеть Родину счастливой, озаренной.

Всяких замыслов у Сабита Муканова, начиная с 1950-х годов было предостаточно. Но мне хотелось бы рассказать о его деятельности с конца 30-х годов, когда впервые стал свидетелем некоторых эпизодов его творческой жизни.

ПУТЕШЕСТВИЕ 1938 ГОДА

Сабит Муканов перед тем, как нанести на чистый лист бумаги первые строчки будущей книги, продолжительное время занимался сбором необходимого материала по волнующей его теме. Это и было причиной его многочисленных поездок.

В 1938 году я с Арстаном сопровождали отца во время сбора материалов для романа, который увидел свет в 1940 году под названием "Загадочное знамя" ("Жұмбақ жалау"), впоследствии переработанный и вышедший под именем главной героини – "Ботагоз".

В то лето мы объездили красивые места боровских озер Кокшетауской области, ко-

торые по достоинству сравнивают с Швейцарией, а также засушливые районы Актюбинской и Костанайской областей, проехав нелегкие сотни километров.

В те дни многие шли к отцу, но чаще всего он навещал колхозников, гостил в юртах чабанов — живых свидетелей интересующих писателя событий. Во время бесед и после них писатель вел многочисленные записи в блокнотах. Таких записных книжек в архиве писателя очень много и, конечно, не все набросанное легло на страницы его романа.

Прав К. Паустовский который писал: "Большинство писателей ведет записные книжки, но редко пользуются ими для своей работы. Записные книжки существуют в литературе главным образом как самостоятельный жанр. Поэтому их и печатают наряду с романами и рассказами того или иного писателя".

Однажды я спросил отца, как ему помогают сделанные записи? Он ответил таким образом: "Когда я веду записи, то мысленно прикидываю: куда должен войти рассказ информатора? Ведя записи, я одновременно создаю в памяти канву, нить моего будущего повествования. В дальнейшем во время работы над произведением, я редко возвращаюсь к ним, извлекаю события, судьбы людей из уголков своей памяти, некогда записанных из уст рассказчика, но уже по своему осмысленные согласно тому, как задуман рассказ, повесть или роман. Записные книжки — это черновые наброски писателя. Исключения составляют исторические события, время и связанные с ним личности, здесь без записных книжек не обойтись".

Во время бесед Сабит Муканов внимательно приглядывался к рассказчику, к его внешнему облику, отмечал особенности его характера, выделял лексику говорящего т.е. создавал мысленно портреты, образы героев для своего будущего произведения.

Но вернемся к поездке 1938 года. Мы остановились среди широкой поляны, замкнутой зеленым ожерельем соснового леса. День клонился к концу, солнечные лучи золотили пики гор, вытянувшиеся в виде подковы с востока на запад. Глядя на вершины гор причудливых очертаний, отец перечислял их названия: Бурабай, Кокшетау, Три сестры, Окжетпес... Происхождение названий гор, каждое из которых легенда, читатель найдет в известных поэмах Сакен Сейфуллина и Ильяса Джансугурова, в романе Сабита Муканова "Ботагоз" и здесь нет надобности их повторять.

— Вот на этом месте, — рассказывал отец, указывая на юго-восточную часть поляны, — стояла юрта, где я в двадцатые годы, заболев легкими, жил и лечился кумысом и мясом конины. Всего за одно лето исцелился от недуга. Лошадь удивительное животное: она никогда не болеет туберкулезом, не пьет протухшую воду, не ест жухлую траву. Только этим можно объяснить целебное свойство кумыса степной кобылицы.

Да трудное, но боевое было тогда время! В будущем я хочу рассказать о той славной эпохе для того, чтобы вы наши дети, узнали о жизни своих отцов и старших братьев.

Это были, конечно, задумки будущей "Школы жизни" — повествования о суровом

детстве, тревожной юности и времени возмужания, но в то время задумывал он совсем иное и мы вместе с ним разделили все радости и невзгоды трудного, но интересного путешествия. В памяти запечатлелись особенно рельефно несколько дней той поездки, о чем и хочется поведать читателю.

В те годы южное побережье озера Борового почти сохранила свою первозданную красоту, оно было необжитым местом. Лишь недалеко от Голубого залива стояли несколько срубных домов, видимо, местного лесничества. В одном из таких изб, недавно построенной стены которой отдавали терпким запахом смолы и душистой хвоей, мы провели несколько дней.

Однажды ночью я проснулся от страшного грома, бушевала гроза. Немного напуганный грохотом, несущимся с небес, подошел к кровати отца, но она была пуста. Тогда приоткрыв дверь, вышел на веранду.

Ночную темноту на какое-то мгновение нарушали сполохи молний, сопровождаемые трескучим хором. При очередной вспышке природного явления увидел темный силуэт отца: он стоял в углу веранды и, облокотясь на стойку, смотрел куда-то в темноту. Я подошел к нему. Усадив меня на перила, он сказал:

— Смотри на озеро.

Яркий блеск молнии разорвал темень ночи и на глади свинцового озера я увидел каменное изваяние, похожее на голову девушки с развивающимся по ветру волосами. Это был легендарный каменный островок Жұмбақ-тас (Камень-загадка).

Накануне, по узкой прибрежной тропинке, вьющейся среди хвойного леса местами пере-

ходящего в березовые рощицы, мы слушали отца, поведавшего легенды этого края. Среди прочих он повторил предание о влюбленных, связанную с горой Окжетпес и Скалой-загадкой и мы вображая по-детски, перенеслись в реальность рассказанного. И тогда в час разбушевавшейся стихии, по-моему родились некоторые страницы будущего романа. Вот как передает Сабит Муканов легенду о достопримечательностях этого края:

"...Раз во время междоусобиц, казахи напали на соседнее племя, угнали скот и взяли в плен людей. Среди пленников оказалась одна девушка и ее любимый — знаменитый батыр. Девушка поражала своей красотой, все казахские военачальники стремились завладеть ею. Об этом узнал хан. Чтобы избежать раздора между своими полководцами, он представил выбор самой девушке. Девушка сказала: "Я выйду за того, кто метнет стрелу до вершины каменного утеса". Хан согласился. Соревновались все, но никто из казахов не сумел метнуть стрелу до намеченной цели. Тогда пленница обратилась к хану с просьбой дать возможность ее любимому принять участие в соревновании. Хан согласился, но поставил условие: если стрела жигита вершины утеса не достигнет, ему отсекут голову.

Девушка ответила загадкой, из которой хан понял, что пленница согласна на его условие, но просит, чтобы ей позволили наблюдать за стрельбой с гранитной скалы, нависшей над озером. Хан дал согласие. К счастью девушки, стрела ее возлюбленного долетела до вершины, и хан восхищенный силой жигита, решил ему жениться на любимой. Тогда пленница сказала: "Загадка состояла в том, если бы

моего возлюбленного постигла неудача, я бросилась бы со скалы в воду". Отсюда и произошло название скалы – "Жумбак-тас" и название утеса – "Оқ-жетпес".

Заключительные страницы романа "Ботагоз" также связаны со Скалой-загадкой, где юная героиня прячется от белогвардейцев.

Многие страницы романа проникнуты любовью к природе этого края, где море хвой и синева гор, подобно драгоценной оправе, сковали изумруд многочисленных озер. Несомненно, что эти страницы навеяны впечатлениями пребывания в этих местах.

Около двадцати дней прожили мы на берегу озера Борового. Днем отец часто выезжал в соседние аулы для сбора материалов.

В утренние часы он долго бродил вместе с нами по сосновому бору окрестных холмов и чаще всего молчал. Видимо, в эти минуты он беспрестанно воображал, размышлял уточняя канву своего повествования, шлифуя характеры своих героев. И только спускаясь к озеру, он напевал мелодии, шутил с нами или что-нибудь интересное рассказывал.

Отец, можно сказать, был неважным пловцом, но очень любил воду. Вместе с нами он шумно барахтался в воде, выдумывая всякие хитрости об утятах и зверятах. Из всей нашей веселой тройки более сносно умел плавать я. Когда я заплывал на метров десять от берега, отец просил мерить глубину. Я уходил под воду с руками. Вынырнув из воды, всегда видел удивленное лицо отца, а затем слышал заразительный смех.

Однажды, когда мы загорали на прибрежном песке, он поведал нам историю, случив-

шуюся с ним в детстве: "Как-то в детстве, будучи пастушонком, мне очень захотелось отведать утятин. Я выпросил маленькую сеть у одного станичника и, оставив стадо, дремлющее в полуденном зное, направился к озеру. Оно было мелкое, и я тихо пробрался сквозь камыши почти к центру озера, поставить сеть у окаема камышей и спрятался. Как долго сидел — один Бог ведает, но разморенной жарой, я уснул в воде...

Испуганно проснулся. Заходящие лучи солнца уже золотили метелки камышей. Я с трудом приподнялся и, собираясь уходить, со страхом обнаружил, что ноги мои увязли в водяной тине. От страха онемел, но придя в себя, разразился страшным криком. Кричу, чувствую конец. То ли страх придал мне силы, то ли застоявшиеся ноги сдвинулись с мертвой точки, только я, наконец, освободившись, сломя голову помчался к берегу.

Выскочил на берег весь израненный, изодраный. На берегу нет стада! Куда оно делось? Украли? И вновь залившись слезами, я побрел к станице.

На мое счастье, оказалось что коровы сами добрались до станицы. Обрадованный я направился к очередному дому станичника за положенным мне дневным пайком. Вид мой и изодранная одежда удивила местных жителей и на их распросы поведал о своих злоключениях. Моя "охота" передавалась по всей станице, и смеха было на целый месяц!" Закончив рассказ отец веселился по-ребячески, смешно было и нам. С тех пор, по словам отца, у него и появилась водобоязнь.

В вечерние часы папа работал над рукописью романа. Его письменный стол находил-

ся у открытого окна. Свет керосиновой лампы отбрасывал на стену силуэт писателя, слегка наклонившегося над рукописью.

Он всегда писал обыкновенной канцелярской ручкой, периодически макая ее в пузырек с черными чернилами. Самопишущимся, а позднее шариковыми ручками, он пользовался редко, писал ими иногда письма, записки и делал различные наброски.

...Красоту и благодать окрестностей Борового мы особенно вспоминали в знойные дни, когда наш запыленный "газик" мчался по песчаным и супесчаным дорогам Торгайской области.

Степные дороги! Они кажутся без начала и конца на этой однообразной пыльной равнине.

Трое спутников, увлеченные поисками писателя мчатся на видевшем виды газике, с ног до головы покрытые дорожной пылью. Кто пересчитал ухабы степных дорог? Знают их только колеса. Наша потрепанная машина, словно корабль на волне, качается в разные стороны, подымая облака пыли. Солнца не видно, в горле першит от пыли. К нашему несчастью, не было запасных камер для баллонов, а ходовые, клеенные и переклеенные, не выдерживали жары и часто лопались. Кустарной вулканизции хватало ненадолго и шофер, недавно демобилизованный из армии парень с нашей помощью вновь и вновь приводил их в порядок. В конце концов на камере одного переднего колеса уже не было места, где можно было бы клеить. Мы стояли молча, не зная что делать. Но шоферская смекалка безгранична.

— Доедем на трех с половиной колесах, — улыбаясь сказал шофер. Мы не поняли, что он хочет предпринять. Шофер спустил домкрат и машина правым передним диском плавно опустилась на землю.

— Доедем вот так, помощи ждать неоткуда. Вы, Сабит, садитесь на заднее сидение, а более легкий Марат — на ваше место, — заключил водитель.

Поехали, с трудом передвигался наш автомобиль. Временами шофер останавливал машину и стряхивал пыль с плащей, которыми мы были покрыты. В те минуты поездки на четырех баллонах казалось нам раем. Вконец измученные, к вечеру остановились.

Выезжая в путь и рассчитывая доехать до следующего населенного пункта, мы не запаслись ни едой, ни водой. На наше счастье, у парня оказалась солдатская фляжка и мы, едва утолив жажду, буквально свалились с ног, погрузившись в глубокий сон.

Утром проснувшись от холода, я увидел отца гуляющим недалеко от машины. Пошел к нему. Он обнял меня, накрыв подолом плаща, спросил: "Ну как, путешественник, отдохнул? Скоро доберемся до аула, помоемся, напьемся кумыса. Вот здорово! Да?" — он посмотрел на меня, выдавливая на лице подобие улыбки. Но я чувствовал его тревогу за спутников, за создавшееся положение и не приставал к нему с вопросами, просьбами, хотя по пересохшему горлу словно водили точильным камнем.

На горизонте бирюза неба постепенно золотилась лучами восходящего солнца. Наконец появился диск солнца, медленно увели-

чиваясь в размерах, засветилось оранжевым утренним маревом.

Шофер с братом еще спали.

Отец вдруг насторожился и уставился в направлении севера.

— Кажется пахнет дымом, — тихо произнес он. Немного постояв и повеселев, он сказал:

— Точно, это кизячный дым. Маратик, ты иди к машине и сиди тихо, не буди никого, а я схожу в этот аул и скоро вернусь.

Я прижался к нему будто требуя, чтобы он взял меня с собой.

Чувствуя, что беспокоюсь за него, отец ласково потрепал меня по шее и сказал:

— Терпи казак, атаманом будешь. Иди. И сам пошел к барханной гряде. Скоро он скрылся за ними, а я, усевшись около машины, стал ждать.

Долго ли я ждал, не знаю, но под впечатлением пережитого тоска охватила меня, и я тихо заплакал. Мои всхлипывания разбудили Арстана, и он испуганно спросил:

— Что случилось, где папа?

— Папка ушел в аул, он где-то там за бугром, — ответил я.

Арстан успокоил меня, обняв, как младшего братишку.

Время, как бывает в такие минуты, тянулось долго. Наконец из-за бугра появились два всадника, направляясь к нам. Это был отец и дремучий старик, словно сошедший со страниц сказки, с окладистой белой бородой, изогнувшийся от ветра в виде серпа. Мы поздоровались с аксакалом мусульманским приветствием, это ему понравилось, и он, спешившись, обнял нас.

Оказывается, всего в полукилометре от нас, в то же вечернее время, поставил свою пастушескую палатку — қос этот аксакал. Прикочевал он в эти места позже нас так как шум нашей машины донесся бы до его слуха. И только песчанная гряда скрывала нас друг от друга.

Проснулся шофер. Мы все безмерно радовались встрече с человеком в этой огромной бесконечной степи и направились к қосу пастуха. Машина так и осталась на дороге. По словам старика, к нему скоро должна приехать машина из колхоза с провиантом и тогда нам будет оказана соответствующая помощь. А пока в этом безлюдном месте никто машину не тронет, приезжих почти не бывает и нам волноваться нечего.

В безжизненной степи бывают отдельные участки, богатые травами, которые хорошо знают старцы, много верст прошедшие степными кочевыми путями. Одним из таких знатоков природы был наш гостеприимный хозяин. Его сын давно уже угнал отару овец на указанный аксакалом участок. Около котла хозяйничала невестка и внучка, немногим старше Арстана.

Мы уселись на кошму за гостеприимный дастархан и, не считаясь ни с какими условностями, налегли на свежешаренные лепешки с маслом, запивая душистым чаем. Только отец вел себя степенно, ведя оживленную беседу со стариком, ел умеренно.

Вдруг подошла внучка аксакала и сунула ему в руку какую-то книгу, при этом тихо нашептывая ему на ухо. Старик как-то сразу наострилсь, посмотрел на отца, потом рас-

крыл книгу, взглянул на нее, захлопнул и сказал, обращаясь к отцу:

— Внучка моя учится в седьмом классе. Хорошо учится. Много сама читает нам старикам. Сравнив вас с портретом, она говорит, что вы написали эту книгу — "Адакандар". Она только недавно прочитала ее нам. Ваше имя Сабит?

Около котла вопросительно замерла хозяйка, молча стояла внучка, заломив за спину руки. Отец улыбнулся характерной для него застенчивой улыбкой и ответил:

— Да, аксакал, эту книгу написал я.

Беседа еще более оживилась, теперь начал больше рассказывать отец, делаясь своими планами и поведал о причинах, приведших его в эти края.

На радость писателя, гостеприимный хозяин оказался одним из воинов-сарбазов Амангельды. Мы, дети, тогда еще не знали, что именно поиск участников боевых походов Амангельды привел отца в эти края, и что позднее эти рассказы лягут на страницы его романа. Но об Амангельды мы уже хорошо знали по только что вышедшему на экраны одноименному фильму, на который мы, мальчишки, бегали с десятков раз. Мы внимательно слушали рассказ старого воина, отец изредка делал пометки в записной книжке.

Вдруг услышали приближающийся рокот. Эта оказалась машина, приехавшая с продуктами. Беседа прервалась на некоторое время. Шоферы очень быстро понимают беды коллег и мы, дети, вместе с ними объездным путем отправились к оставленному нами "газику". Пробыли у машины довольно долго. Установив баллон, водители еще как-то кол-

довали над мотором. Наконец, починив все и вся, вернулись в стан пастуха.

Беседа писателя и аксакала как будто и не прерывалась. По прежнему рядом с дастарханом шумел самовар, старик рассказывал, отец слушал и записывал.

Мы натянули брезент на два кола и борт машины, и под сооруженный навес, продуваемый со всех сторон, переселились наши собеседники. После обильного обеда и изнуряющий жары, Арстан и я вскоре уснули.

Разбудил нас отец, приглашая на ужин. И во время еды и после нее, ближе к полуночи, писатель все еще беседовал с аксакалом.

В сумерках уходящего дня, когда ночная прохлада установилась в знойной степи и темно синее небо постепенно усилилось мерцанием звезд, слушали проникновенную речь отца. Много выдавший и переживший на своем веку, он обладал редким природным даром рассказчика, доступны лишь воистину одаренным природой. Спутники писателя и семья чабана, в том числе и его сын, вернувшийся с отарой, с волнением представляли счастливые долины человеческой мечты, которые он исходил во всех направлениях. И мы с благодарностью вспоминаем, что тогда в нас зародилось стремление побывать там же. Тот, кто посидел с ним хоть раз за дружеской беседой, уходил от него богаче и смелее, чем был раньше, потому что уносил с собой частицу Мукановской одержимости, его умный и проникновенной веры в труд добро и знание.

На протяжении всей жизни отец мало уделял времени сну, словно боясь потерять драгоценные минуты бытия. Все поражали его молодости, бодрости в течение всего дня.

Гостеприимный хозяин проводил нас только на следующее утро. Перед отъездом отец написал несколько строк на своей книге "Адас-қандар".

Мне и позже приходилось быть свидетелем, как Сабита Муканова, заехавшего в юрту чабана, рыбака, на полевой стан сразу узнавали окружающие. Он был одним из читаемых писателей в казахской степи, которого любили за народный язык его произведений, за жизненную правду стихотворений и прозы.

Дальнейшая поездка была без приключений. Мы благополучно добрались до большого села Семиозерное, где тепло распрощались с шофером, и, пересев на "эмку", продолжили свой путь.

НА РОДОВОМ КЛАДБИЩЕ

Проехав по побережью Тобола, мы благополучно достигли Кустаная и, пробыв в его окрестностях несколько дней, где отец кропотливо собирал недостающий материал, направились на его родину.

Встреча на родине была радостной, здесь как обычно, остановились в доме двоюродного брата отца — нашего дяди Шакена. В то время я не мог думать, что общаюсь с героями будущей трилогии отца. Только позднее, читая только что изданные книги я припоминал встречу с простыми людьми, воплощенных в литературные образы. Мне посчастливилось знать многих из "Повести о детстве" и могу уверенно сказать, что персонажи, их портреты переложены на страницы книги рукой добросовестного хроникера.

В ста километрах от аула Сабит на берегу озера Дос некогда, в старину, кочевали наши предки. Отец всегда с нежностью и сыновней любовью вспоминал родные места детства, юности и часто рассказывал нам о неповторимой красоте окрестностей родного озера. Недалеко от него находится родовое кладбище, где покоятся вечным сном Мукан и Балсары – родители писателя. Туда мы и направились ранним августовским утром.

Мы подъехали к почти забытому, древнему кладбищу, где уже давно никого не хоронили и только небольшие холмики напоминали проезжему путнику о месте последнего пристанища человека. Могилы не имели оград, около них не было никаких насаждений. Только многочисленные холмики окружали нас, поросшие верблюжьей колючкой, да душистым жусанам – степной полынью.

Мы шли между ними, пока отец не остановился и указал:

– Вот здесь похоронены мои родители, ваши дедушка и бабушка. Он взял по шепотке земли с их могилы, как принято в обычаях всех народов, и сказал: "Пусть земля вам будет пухом!"

Мы молча стояли у могил наших предков. Я помотрел на отца и увидел две черные бороздки, оставленные слезами на запыленном лице. Он крепко прижал нас и говорил всхлипывая: "Вот и привел к вам внуков родных, ваше живое и кровное продолжение жизни. Спите спокойно".

Его печаль передалась и нам. Успокоившись, он поведал о том, как, уезжая из этих мест в 1928 году, взял две голени лошади,

оставшиеся от поминального обеда, и вбил их около могил родителей. Через десять лет о дорогих могилах напоминали эти своеобразные надгробные памятники — огромные кости домашних животных, вымытые до бела и просушенные ветрами.

Недалеко от родового кладбища виднелся редкий лесок, куда все направились. Это урочище "Жаман шубар" когда-то было местом стоянки сибанов — рода, к которому принадлежал Сабит Муканов.

Мы шли по густой и очень высокой некошенной траве, укрывавшую меня по грудь. Долго бродили между белоствольными березами с раскидистыми ветвями, многие из которых были ровесниками писателя. Отец шел молча, порою нежно как сестер поглаживая деревья. Несомненно, он вспоминал давно ушедшие годы, дни своего детства и юности, вновь представил бедную юрту своих родителей, в которую редко заглядывали счастье и достаток.

Мы присели в тени раздвоенной березы и отец, немного помолчав, собравшись с мыслями, сказал нам: "Я привел вас сюда, чтобы вы мои дети, осознали священный и необходимый закон бытия, обязанность каждого человека: чтить и уважать своих родителей, а после их ухода из жизни — хранить память о них, давших вам жизнь. Вы уже достаточно взрослые, чтобы понять это. Мои родители, при всем желании, ничего не могли дать мне, кроме жизни. Таких бедняков как они, в казахской степи были сотни тысяч. Кем бы мы были обездоленные, лишенные многих средств существования, вечно гнувшие спины на кучку

баев, если бы не свершившаяся Октябрьская революция?

Я давно не был здесь, в местах своего детства, у праха моих родителей, дела мешали этому. Но я всегда помнил родителей и никогда не забывал родных мест. И вот я опять здесь вместе с вами, внуками моих родителей, которые, доживи до этих дней, обезумели бы от радости". Тут отец заплакал, крепко прижал нас к себе, ероша нам волосы. Помолчав он продолжал: "Кто не чтит своих родителей, тот растет черствым, эгоистичным, глухим к радостям и бедам других. Человек с мертвым сердцем, в конечном счете, приходит к своему закономерному финалу: с могильной землей уходит память о нем.

Чтущий и помнящий свои корни всегда, как правило, отзывчивый, добрый и честный. Он чувствует себя равным среди воспитанных порядочных людей, никогда не обидит женщину, спрашивая себя, а что если кто-нибудь так же плохо поступит с его матерью или сестрой? Он с почтением относится к взрослому мужчине, моля о том, чтоб другие также относились к его отцу. Дорогие мои кровинки, чтите меня и маму, как мы своих родителей. Будьте добрыми и честными — это два главных качества в человеке. Имея их, вы получите все: знания, дружбу людей, уважение и т.д.". Так впервые говорил с нами отец о долге, чтоб мы жили не по правилам суеты, а по закону человечности, почитания старших.

Отец давно хотел установить памятник на могиле своих родителей, но в годы войны было не до того. И только в 1955 году ему удалось выполнить сыновний долг. Сегодня, недалеко от озера Дос, среди равнины высится

небольшой холм, обнесенный оградой, со скромным черным обелиском, на котором можно прочесть на казахском и русском языках:

*Памятник
Отец Мукан (1851-1906)
Мать Балсары (1858-1907)
Шукеевы*

*от сына
Сабита Муканова
поставлен летом 1955 года*

Летом 1966 года, будучи в составе Северо-Казахстанской этнографической экспедиции, я вновь побывал в родных местах отца. Навянные думы о пребывании на родине я изложил в стихотворной форме и отправил отцу:

Шумят зеленые березки,
Под ветром изгибая стан,
Полей цветастые полосы,
На небе облако-саван.

Порывы ветра резки, хлестки,
Роняет лист алмаз-капель...
Быть может, из такой березки
Отцу срубили колыбель.

И может, дав мечтаньям волю
Напевной песни без конца,
Желая сыну лучшей доли,
Качала бабушка отца.

Быть может, через это поле
Ночами шел устало дед,
Не зная, как утешить горе,
Чем накормить детей в обед.

Здесь сестры, взяв за руки брата
Водили шумный хоровод...
Да, было все. Давно. Когда-то.
Деянье предков здесь живет.

Здесь прах уснувшего Мукана,
Подруги верной – Балсары
Погребены под стих Корана
И под рыдания сироты.

Когда вернулся из экспедиции, отец крепко обнял меня и сказал: "Не знаю как с точки зрения поэзии, но размышления твои реалистичны, действительно, хорошо помню голос своей матери и как сестры очень любившие меня, часто играли со мной. И помню отца, порою молчаливого и задумчивого, который на самом деле думал, как прокормить семью. Я не знал, что ты пишешь стихи".

– Только для себя, иногда, – ответил я смущенно

... В июне 1974 года мама, Арстан, Алтай и я побывали в тех местах. Прошло немногим более года, как не стало отца, и мы приехали на годовые поминки.

В безутешном горе стояли мы, его родные, младший брат отца по перу Сырбай Мауленов, у одинокого кургана с черным обелиском.

– Не придет больше к Вам сын, безгранично любивший Вас. Сложил он крылья далеко от Вас. Не постоит он молча около Вас, не помянет добрым словом. Мы принесли землю с его могилы и, высыпав ее на Ваш курган, хотим, чтобы вы приняли своего сына. Пусть частица его будет всегда с вами!" – так причитала мать.

Наш отец всей своей жизнью, всеми своими поступками доказал детям: живому полагается быть благодарным и почтительным к трудам предков.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ

Мне хочется рассказать о некоторых мало-известных и совсем неизвестных фактах создания романа "Адасқандар" ("Заблудившиеся"), увидевшего свет в Москве в 1935 году под названием "Сын бая".

Все материалы и рукописи бережно собраны писателем в один том и систематизированы им в Ленинграде, где он находился на учебе, 5 марта 1929 года.

Возникновению замысла романа послужило трагическое событие, разыгравшееся в полдень 2 апреля 1928 года на одной из тихих улиц г. Кзыл-Орды. Молодой человек встретил на улице сотрудника газеты "Еңбекші қазақ" Мустафу Кошекова с женой и выстрелил в него несколько раз. Раненный Мустафа убежал в ближайший дом, где его укрыл владелец дома. Не в силах открыть запертую дверь, покушавшийся выломал окно и проник в дом. Угрожая оружием, он выгнал хозяина из комнаты, где находился раненный и, войдя туда, убил Кошекова.

На крик хозяина сбежались прохожие, среди которых был милиционер. Убийца арестован.

На следующий день газета поместила некролог о погибшем и писала, что убийство произошло на почве ревности.

Убийство среди белого дня потрясло жителей города, в том числе Сабита Муканова, сотрудника республиканской газеты.

Позднее в конце 40-х годов, я спросил отца, что заставило его взяться за перо и написать этот роман? Он ответил следующим образом:

“В первые дни у меня в мыслях не было писать о случившемся. В моем сознании убийца представлялся каким-то неврастеником, подонком. Но ознакомившись с делами следствия, а затем суда, я понял, что это убийство имеет не только личные мотивы, но и глубокие социальные корни. И мне сразу же захотелось из данного события создать общественно-значимое повествование, отвечающее на волнующие вопросы жизни нашего общества”.

После убийства, по поручению редакции газеты, Сабит Муканов был назначен общественным обвинителем.

Вот документ, выданный редакцией 28 апреля 1928 года:

Удостоверение

Предъявитель сего тов. Муканов С. выделен редакцией газеты “Еңбекші-қазақ” в качестве общественного обвинителя по делу об убийстве бывшего корреспондента н/газеты т. Кошекора на судебное заседание, имеющее быть 29 апреля с.г.”.

Согласно ордеру №29, выданный прокурором, Сабит Муканов допускался на заседание выездной сессии Сыр-Дарьинского губернского суда по Кзыл-Ординскому уезду “... по делу по обвинению Абуова по ст.136 УК в качестве общественного обвинителя...”

Таким образом, Сабит Муканов принимал деятельное участие в раскрытии личности обвиняемого, в определении причин, приведших к преступлению, в выявлении социальной среды, где назревал конфликт и, в конечном счете, закончившийся трагически.

В архиве писателя хранятся записи бесед с обвиняемым, а также тезисы его выступления в качестве общественного обвинителя.

Убийство было совершено Султанбеком, сыном Абу, выходцем из Тургайской степи.

Батима, некогда бывшая невеста Султанбека, но вышедшая замуж за Мустафу, была причиной трагической развязки. Здесь нет надобности пересказывать историю любовного треугольника, она хорошо известна широкому кругу читателей. Неведающим громкую историю, я советую прочитать названную книгу. Отмечу только, что имена героев изменены: Буркут – обобщенный образ Султанбека, Батес – Батимы, Мусапыр – Мустафы.

Собирая материал для романа, писатель посетил Султанбека в тюрьме, но беседа, судя по ниже приводимому письму, мало что дала. Ведь вызвать на откровенность человека, совершившего преступление дело трудное, т.к. осужденный часто ищет оправдания своим поступкам. Тем более, трудно довериться свое сокровенное лицу, выступавшему в качестве общественного обвинителя. Но Сабит Муканов обладал какой-то внутренней теплотой сочувствия к бедам людей и этим вызвал доверие Султанбека.

Осужденный писал из тюрьмы следующее:

"Сабит!

Я не могу простить себе, что когда Вы пришли ко мне в тюрьму и попросили рассказать всю правду – я был неискренен с Вами. Вскоре после Вашего посещения я получил несколько своих тетрадей с записями того времени, когда судьба столкнула меня с Батес и Мусапыром.

Часть их, по моей просьбе, прислал прокурор, изъяв из дела, а другую доставил один мой приятель, которому отдавал на сохранение...

Перед Вами – незадачливая жизнь. Себя я не могу считать преступником, хотя суд и приговорил меня к восьми годам заключения. Говорить о Батес я не в силах...

Я не поэт, не писатель. И мои записи, с точки зрения художника, должно быть, представляют мало интереса. Но надеюсь что приведенные Вами в порядок, они могут послужить материалом для книги, такой же волнующей, какими были события, описанные в них".

Узнав что у осужденного есть тетради, нечто вроде дневниковых записей, Сабит Муканов обратился в суд с просьбой дать ему во временное пользование эти записи и фотографии, имеющиеся в них.

Судя по всему, тетради были представлены писателю, но возвращены обратно, так как в архиве писателя они отсутствуют. О существовании дневниковых записей говорит титульный лист дневника Султанбека с фотографиями мемуариста и Батимы, взятые с разрешения суда и согласия самого осужденного, и ныне хранящиеся в архиве писателя.

В центре его арабской вязью, красно-черными чернилами написано: "История двух молодых". По сторонам расклеены фотографии: справа – юноши, слева – девушки. Над фотографией юноши надпись: "Адасқан" (т.е. заблудившийся – М. М.) а под снимком – "Султанбек". Над фотографией девушки надпись: "Опасыз!" (т.е. изменница – М. М.); а внизу – "Батима".

Несомненно, название романа – “Адасқандар” (“Заблудившиеся”) – было подсказано писателю автором дневниковых записей, наиболее емко определившим свою неудачно сложившуюся юную жизнь.

С фотографий на нас смотрят два лица, две судьбы, взваловавшие писателя и, благодаря его перу, ставшие известными широкому кругу читателей. Сделаны снимки, видимо, в осеннюю пору, т.к. юноша и девушка сняты в пальто. На голове Султанбека казахская меховая шапка с небольшой тульей – бөрік. Губы Султанбека сжаты, брови в разлет, словно вороненные крылья приземляющейся птицы. Взгляд умный, лицо волевое, гордое, видимо, натура сильная.

Лицо Батимы, немного полное, застыло в доброй улыбке, словно запечатлено фотографом перед тем мигом, когда девушка готова разразиться неудержимым смехом. Глаза кокетливо прищурены и всю несерьезность и веселость ее подчеркивают две косы с бантами, покоящиеся на девичей груди.

Роман “Заблудившиеся”, будь он опубликован в наши дни, непременно назвали бы произведением лирической прозы. Повествование в нем ведется от лица героев: Буркута и Батес и частично батрака Еркина. Буркут рассказывает о себе, о своей любви, о своем участии в различных играх, охоте, о том как убил Мусапира, мстя за поруганную любовь. Мы не обнаруживаем сколько-нибудь серьезного участия Буркута в делах общественной значимости. То же самое следует сказать и о Батес. Однако роман в целом не замыкается в кругу любовных интриг, а вбирает в себя мно-

гие проблемы казахского аула конца двадцатых годов.

Первоначально Сабит Муканов намеревался написать повесть, о чем говорится в "Прошении в суд". Первые две редакции, небольшие по объему, соответствуют первоначальному замыслу. Однако время требовало новых форм художественного видения. Действительность представляло обилие невиданного доселе материала, который следовало перерабатывать в художественном сознании. Третья и четвертая редакция являются рукописью романа "Адақандар"³.

Позднее, при систематизации архива рукой писателя на листе 336 оставлена надпись: "Пятая глава совершенно не использована". Писатель неоднократно возвращался к рукописи, о чем говорят многие пометки, вставки и заново написанные страницы.

"Адақандар" был первым опытом писателя в большой прозе и поэтому был ему особенно дорог. В романе "Заблудившиеся" писателю удалось избежать недостатков "Слушаш": исчезли сглаженность, романтическая абстрактность. Это литературное произведение сыграло положительную роль в творчестве писателя и в казахской литературе в целом, ибо в этом произведении о частной жизни был создан общественный фон. Большое значения для судеб казахского романа имело проникновение в интимную, приватную жизнь героев, их внутренний мир.

Воспроизведение частной жизни в романе "Заблудившиеся", где коллизии разворачиваются вокруг любви (пусть даже ситуации взяты из уголовной хроники), не уводило

идейно-художественных устремлений данного произведения в область быта. Будучи романом частной жизни, произведение впитывало в себя общественные социальные сдвиги 1925-1927 годов в той мере, в какой они могли повлиять на судьбы героев. Высокую оценку дал роману выдающийся казахский писатель Габит Мусрепов: "Роман "Адасқандар" при всех своих недостатках стоял на много выше произведений всех жанров... того времени".

Ануарбек Шманов, ответственный работник радио, однажды рассказывал мне, как, будучи школьником, он читал односельчанам этот роман. Убеленные сединой старики и школьные товарищи чтеца, старушки и девушки внимательно слушали повествование, изредка прерывая его вздохами сочувствия, репликами одобрения или негодования.

Судьба героев взволновала многих читателей в республике. Об этом говорят многочисленные письма людей, которые хранятся в фондах Центрального государственного архива Казахстана и Национальной библиотеки РК.

Сабит Муканов, всегда шедший в ногу со временем, пытался ответить на вопросы, поставленные жизнью. Не все удалось раскрыть в романе в полную силу, на что справедливо указывала критика того времени. Незавершенность отдельных сюжетных линий можно объяснить тем, что этот роман был первым опытом писателя в прозе. Конечно, не в том недостаток "Заблудившихся", что на первый план неправомерно выступает заблудившиеся на пути к новой жизни байские дети Буркут и Батес, а, по мнению тех критиков, созда-

валась странная ситуация в романе: картины общественной и частной жизни сосуществовали рядом, не пересекались, не проникали друг в друга. Новая жизнь прошла мимо Буркута и Батес, поглощенных исключительно своей страстью. Поэтому в пятидесятые годы писатель вновь возвращается к своему любимому произведению, учтя многие замечания критики, поставил точку на последней странице рукописи 14 августа 1959 г. Итак, спустя много лет роман существенно переработан и опубликован уже под названием "Мөлдир махаббат" ("Светлая любовь").

"Я возвратился к своей молодой книге потому, что располагаю новыми материалами, и потому, что хочу по-новому осмыслить жизнь своего героя.

Ведь герой романа "Заблудившиеся" Буркут, справедливо наказанный за совершенное им преступление, давно искупил свою вину и стал полноправным гражданином нашей страны.

Кроме того, я отыскал очень любопытный документ — дневник героини романа Батес, неизвестный мне во время работы над "Заблудившимися".

И, как бывает в таких случаях, произведение, написанное более двадцати лет назад, от каждого прикосновения авторского пера стало расползаться по швам. Его нельзя слегка "подштопать" да таким отдать на суд читателям — его надо заново написать. Это я и сделал". ●

Действительно, сохраняя основную сюжетную линию, он написал новый вариант романа, можно сказать пятую редакцию.

Листая архивы писателя, я обнаружил рукописную страницу, где говорится о последнем дне жизни Султанбека – прообраза главного героя романа Буркута. Перевод этой страницы предлагаю читателю:

“Проснулся я, – пишет Сабит Муканов, – от сильного телефонного звонка. Безлунная ночь, небо затянуто тучами, комната погружена в ночную тьму. Спросонья долго не мог включить лампу. Телефон беспрерывно звонит.

– Алло!

– Сорок два пятнадцать? *(42-15 – номер моего телефона – С. М.)*

– Да.

– Вы, Сабит?

– Да.

– С Вами будет говорить Султанбек.

– Давайте.

Посмотрел на часы, время предрассветное. Из телефонной трубки донесся хриплый, с одышкой голос.

– Саке?

– Да, я.

– Это я, Султанбек (он произносил слова с трудом – С. М.). Вы знаете, я болею туберкулезом... в середине зимы слег в постель, не встаю... мне тяжело... в последние минуты жизни... с Вами... про-щ-щ-щайте!

После этих слов, с растянутым последним слогом, я услышал звук упавший трубки.

– Алло! – спросил я испуганно. Тихий голос ответил:

– Вы, Саке?

– Да. Где Султанбек?

– Скончался.

Как трудно слышать о смерти человека, к судьбе которого относился с сожалением.

Настроение у меня было подавленное. Я отыскал рукопись романа и пролистал ее страницы в тяжелых раздумьях.

... В 1928 году суд приговорил Султанбека к восьми годам тюремного заключения. Просидев шесть лет, он в 1934 году был освобожден. До 1938 года работал в различных советских учреждениях, а в 1938 году поступил на двухгодичные курсы Алма-Атинского учительского института. Учился хорошо, но, заболев туберкулезом, в 1939 году взял годичный отпуск. В 1940 году вновь вернулся в институт. В канун 1941 года, изнуренный болезнью, он вновь слег и, пролежав в больнице несколько месяцев, уехал подкрепиться к себе на родину в Тургайские степи. Пробыв там до осени, вновь вернулся на учебу. Он был джигитом, который всегда стремился к осуществлению поставленной цели. Однако болезнь, преследовавшая его, в конце концов свалила его.

Мужественный, но несчастный был человек!

13.III.1942 года, 5 часов 43 минуты.

Алма-Ата.

Сабит"

Так закончилась короткая, но удивительная жизнь этого человека. Листая страницы томов архива писателя, содержащие материалы и рукописи этого романа, вновь возвращаешься к событиям того времени, к стилю работы писателя. В будущем для исследователя они представят большой интерес. Дос-

тоинства и недостатки "Заблудившихся" в одинаковой мере отражают особенности жанрового становления казахского романа в двадцатые-тридцатые годы.

НЕЗАВЕРШЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ

Яркая жизнь Чокана Валиханова, человека энциклопедического ума, сочетавшего в себе полет научной мысли и анализ конкретных исторических событий, давно интересовала Сабита Муканова. Каждый кто изучает труды ученого, невольно дается диву, что Чокан Валиханов, будучи совсем молодым, открыл для Европы многие неизвестные страницы истории, этнографии, языкознания, географии народов Азии. Избрание Чокана Валиханова членом Русского географического общества, в среде которого работали многие выдающиеся ученые России, было признанием заслуг первого казахского ученого.

Как-то гуляя по тихим вечерним улицам Алма-Аты, мы остановились у памятника великому ученому перед зданием Академии наук. Отец долго смотрел на бронзовое изваяние, затем, стряхнув рукой снег с мраморной скамейки, присел, подперев подбородок тростью. Он сидел задумчиво, потом стал читать:

"...Невский
Остается Невским,
Как и Достоевский
Достоевским,
Точно также как и
Валиханов,

хоть и много разных
великанов,
И живых и всяких истуканов,
За сто лет
Ичезло,
В Лету
канув!"

Здорово сказано! Ты знаешь, чьи это стихи?" – обратился с вопросом ко мне.

Я неопределенно пожал плечами.

– Мартынова, – ответил он, – как емко сказал Леонид! По выражению академика Веселовского, Чокан был промелькнувшим метеором на ниве востоковедения, а поэт точно определил место и роль Чокана. Многие исчезли В Лету канув: цари, графы, временщики, а труды Чокана остались. Да, удивительнейший был человек!"

Личность просветителя-демократа заинтересовала писателя еще в предвоенные годы. В те годы биографы этнографа и путешественника и исследователи его научных трудов вели неустанные поиски материалов, связанных с именем человека большого мужества. В их числе был и Сабит Муканов.

Впервые имя Чокана и его родные места отрок Сабит узнал в 1913 году, когда неожиданно стал спутником трех степных богатеев, исполняя при них роль возницы и одновременно дорожного певца. Это увлекательное путешествие к ханской ставке у подножья горы Сырымбет, во время которого было много интересного, особенно памятная встреча с известным акыном Акан-сэре, описано писателем в первой книге "Школа жизни". Так, в ханской ставке, он впервые увидел портрет Чокана и его рукопись. В красивом переплете.

Будучи председателем ревкома Кокшетауской области, не раз бывал в местах, связанных с жизнью Чокана Валиханова, начиная с 1921 г. объехал вдоль и поперек Кокчетавщину. В том же году Сабит Муканов имел счастье видеть альбом рисунков Чокана Валиханова.

В 1928 году во время учебы в Ленинградском государственном университете Сабит Муканов обнаружил в Архиве Академии наук СССР "23-й фонд", в котором хранились рукописи ученого и другие материалы, связанные с жизнью Чокана Валиханова. Это знакомство дало импульс к дальнейшим поискам научного наследия великого сына казахского народа и было причиной зарождения замысла создания художественного образа ученого.

В апреле 1941 года писатель уехал в творческую командировку в Ленинград. В последних числах мая Арстан и я направились в Москву, в один из пригородных пионерских лагерей. Для встречи и устройства детей в Москву прибыл отец. Тогда то мы впервые услышали из уст отца о Чокане Валиханове. В моем воображении он предствоялся путешественником из серии жюльвернских героев.

Устроив нас в пионерском лагере, отец сразу же вернулся в Ленинград и буквально накануне войны возвратился в Алма-Ату.

В архиве Сабита Муканова сохранилась стенограмма обсуждения его пьесы "Чокан Валиханов", которое проходило в Москве 28 октября 1953 года. под председательством видного русского писателя Б. А. Лавренева.

Из выступления Сабита Муканова можно узнать о времени сбора материалов, о лич-

ности Чокана и круге его друзей, знакомых и т.д. Приведу некоторые выдержки из его выступления. Прошу читателя простить за некоторые стилистические погрешности его речи, так как судя по контексту (в самом конце обсуждения), она была ответом на поставленные вопросы и заранее не готовился к нему.

“Материалы я знаю, – говорил в своем выступлении Сабит Муканов, – знаю потому, что занимаюсь этим 15-20 лет. Я знаю ленинградские архивы, знаю московские. Я обнаружил очень большую переписку с Аполлоном Майковым, с Достоевским Ф. М., Паниным, дневник Чокана. Причем что интересно? В 1920 году кто-то прислал в Ленинград большой ящик. Вскрывают, там письмо без адреса. Человек писал, что он белогвардеец, жизнь его висит на волоске, а все эти материалы о Валиханове накопились у него дома. Он считает своим человеческим долгом, чтоб эти материалы не потерялись, направить их в Академию. “А кто я такой – для вас безразлично”. 39 папок хранятся в фонде №14 в Ленинградском архиве. О Валиханове довольно много опубликовано, но это материалы, которых нет в печати. Причем, здесь имеется дневник Валиханова за четыре года – с 1857 по 1860. Замечательный дневник. В нем он пишет о встречах с Н. Г. Чернышевским и дает характеристику ему и о впечатлении, какое произвел на него основоположник народничества в России.

В письме Достоевского Ф. М. Врангелю я нашел указание на то, что в 1859 году Валиханов в составе русской военной миссии был послан в Париж.

В военном архиве обнаружил большую

папку полицейской слежки за Валихановым, поскольку он был знаком с Достоевским.

Одним словом, о Валиханове накопился громадный материал, который никак не вместим в пьесу и я скоро начну писать о нем большую трилогию.

Он был невероятно академически высоко образованным человеком". Далее Сабит Муканов сообщает об архивных материалах, которые говорят о знакомстве Ч. Валиханова с Д. И. Менделеевым, С. Ф. Дуровым и другими историческими личностями, о визитной карточке на придворный бал и т.д.

Таким образом, судя по тексту выступления, писатель начал собирать материалы о Чокане Валиханове, начиная с середины 30-х годов. В архиве писателя сохранились пропуска различных организаций в период сбора материалов о Чокане Валиханове. Вот некоторые из них.

1. Пропуск №39 для входа в читальный зал Архива Академии наук СССР;

2. Разовый пропуск №3532 в Архивный отдел УНКВД по Ленинградской области;

3. Билет читателя №43415/31 Государственной ордена Трудового Красного знамени публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина.

Укажем некоторые фонды Архива АН СССР, над которыми работал писатель и сделал выписки из них:

1. Фонд №14;

2. Фонд №23:

а) дневной журнал Валиханова за 1855 г.

б) дневник Валиханова за 1856 г.

в) Шежире (родословная – М. М.) ханов Жаныбека, Аблая, Уали и других, т.е. предков Чокана Валиханова;

г) Исследование Валиханова о казахском языке и т.д.

Многие выписки писателя сделаны арабским шрифтом и они требуют специального разбора.

Большое внимание уделяет Сабит Муканов Фондам Государственного исторического архива. Отметим лишь Фонд №1265 – "Дело Сибирского комитета" со сведениями о жителях казахской степи, о Сибирском кадетском корпусе, где обучался Чокан Валиханов и получил чин поручика и многие другие дела.

Нет надобности затруднять внимание читателя перечислением изученных архивов. Тем более, после осуществления издания пятитомного собрания сочинений Ч. Валиханова под редакцией видных ученых республики, читатель может получить довольно широкое представление об этом ученом. До начала 50-х годов, многие труды Ч. Валиханова и сведения хранились в архивах различных городов. Тогда у Сабита Муканова были общие идеи, ясные представления о сверхзадаче своего исследования. Он понимал, что нужно переселиться в другую эпоху полностью, погрузиться в мир ученого. Бесспорно без серьезного изучения и понимания эпохи, в которой вырос и сформировался Чокан Валиханов, без глубокого проникновения в его мир невозможно добиться желаемых результатов.

Чокан Валиханов волновал писателя в первую очередь, как объект художественного повествования. Художественный образ представляет собой соединение объективного и субъективного, писатель отдал много сил для осуществления своего замысла – широкому

художественному полотну о Чокане Валиханове и его эпохе.

Как же началось осуществление замысла? С создания пьесы. Она была завершена осенью 1941 года. и впервые опубликована на русском языке в издательстве "Искусство" в 1945 году под названием "Нить Ариадны". Название произведения выбрано писателем не случайно: подобно дочери критского царя Миноса Ариадне из древнегреческой мифологии, писатель старался вывести Чокана Валиханова из царства тьмы и меркантилизма, которые реально проявились в середине XIX века.

Пьеса Сабита Муканова была пронизана идеями возрождения человека и человечества, проникнута горячим стремлением развития науки, а значит цивилизации человеческого общества. Основное внимание писателя привлек образ Чокана Валиханова. Он пытался в пьесе раскрыть его духовный облик, резко отличающихся от других.

Однако писателя не удовлетворила эта пьеса и он поставил перед собой задачу показать научный и гражданский подвиг ученого. Была заново написана вторая редакция пьесы, уже под названием "Чокан Валиханов", которую он закончил 13 июля 1953 года, сопроводив следующим постскриптом: "1952-1953 годы. Ух, закончилась или не закончилась!"

Трудным, а порою мучительным бывает путь создания произведения, пока оно увидит свет. Так, например, окончательная редакция "Демона" М. Ю. Лермонтова, его хрестоматийное издание, появилось после шести редакций а "Фальшивая монета" шлифовалась М. Горь-

ким в период с 1913 по 1926 годы. Выступая перед зрителями 30 мая 1978 года В. А. Каверин говорил, что его последний роман "Двухчасовая прогулка" имеет пять вариантов, и что только последний — сдан в журнал "Новый мир".

Подстрочный перевод второй редакции исторической трагедии "Чокан Валиханов" писатель представил на суд московских критиков. Сохранившаяся стенограмма обсуждения говорит о доброжелательном восприятии этой драмы. Вот несколько выдержек из этого документа:

"Лавренев. Я пьесу прочел, считаю, что в ней масса интересных вещей и самое ценное то, что здесь абсолютно никем не тронутый материал, раздобытый Мукановым..."

"Басаргин. ...Пьеса в основе своей совершенно закончена, представляет значительный интерес не только для казахской драматургии, но и для русского читателя как художественное произведение, не говоря большего, что не исключена возможность появления интереса и постановки этой пьесы на русской сцене".

Отмечая достоинства пьесы, московские критики в то же время указали автору на ряд недостатков, например, схематичность образов Чернышевского, Семенова-Тянь-Шанского и т.д. Некоторые критики призывали автора не приукрашивать образ Чокана. Другие же, как например Вишневская, отмечали, что эволюция Чокана к революционным демократам "довольно ясно высказана. Начиная с экспозиции характера и через всю пьесу проходит развенчание его монархической иллюзий и свидание с царем является определен-

ным переломом и появлением каких-то новых существенных черт в этом образе".

Это обсуждение было началом плодотворного сотрудничества Сабита Муканова с таким выдающимся мастерам пера, каким был Борис Андреевич Лавренев, давший свое согласие на перевод пьесы.

Мне посчастливилось беседовать с Борисом Андреевичем на его квартире в Москве у Каменного моста февральским вечером 1954 года, когда отнес ему по поручению отца рукопись пьесы. Тогда я не удержался, чтобы не высказать свое восхищение его рассказами, в частности, "Разломом", постановку которого смотрел в Ленинградском Большом Драматургическом театре во время студенческих каникул. Борис Андреевич, сухопарый интеллигент, очень добрый к собеседнику, своим обликом напоминающий Станиславского, сказал:

— Моя любовь к казахом родилась с моим "Сорок первым". Теперь же меня связала дружба с одним из представителей этого талантливом народа, с твоим отцом, Сабитом. И я думаю, что наша творческая дружба не закончится этой пьесой и личные взаимные симпатии останутся на всю жизнь.

Высказавания большого мастера о казахском народе, о его дружбе с моим отцом навсегда остались в моей памяти.

Но вернемся к пьесе Сабита Муканова, над которой он продолжает работать. Правки на машинописном тексте, имеющиеся в архиве писателя, можно считать третьей редакцией пьесы, так как многие монологи, репризы написаны заново, введены другие мизансцены или же вовсе исключены ранее существовавшие и т.д.

Давайте хотя бы посмотрим на структуру пьесы: в первой редакции она состояла из 5 актов, 7 картин, во второй редакции – из 4 актов, 8 картин, а в третьей редакции – из 4 актов, 9 картин.

Некоторые персонажи исчезают из пьесы не в силу того, что не хватает материала, а подчиняясь законам драматургии, требующей не расплываться в многообразности. Мне отец неоднократно говорил, что Чокана, даже в ограниченных рамках, можно показать в нескольких сериях, но это противоречит канонам сценического искусства. По этому-то некоторые персонажи в силу "тесноты сцены и времени" постепенно исчезают в последующих редакциях (Добролюбов, Семенов-Тянь-Шанский, Чернышевский и другие).

Сабит Муканов опять садится за письменный стол и заново пишет любимую и, как часто бывает, рождаемую в муках пьесу. Вязи арабского письма составили четвертую и последнюю редакцию пьесы "Чокан Валиханов", которую он закончил 11 января 1954 года.

Историческая трагедия в 4-х актах (9 картин) была опубликована в республиканских журналах одновременно на казахском языке и русском, в переводе Б. Лавренева.

Столь подробно остановившись на истории создания пьесы, мне хотелось показать – насколько трудно творить писателю, здесь одного таланта недостаточно. В одном случае, он не удовлетворен написанным, и это говорит, в первую очередь, о его творческом росте. В другом случае, таким образом он платит за свое мучительное гражданское беспокойство, за нетерпеливость собственной

мысли, за обнаженность духовных исканий — эти протори и убытки в конечном счете стоицей окупаются значительностью, серьезностью и современностью его слова. Пьеса Сабита Муканова стала событием литературной и общественной жизни тех лет.

Со дня своего появления, в майские дни 1955 года, пьеса "Чокан Валиханов" прочно вошла в репертуар театров республики и получила положительную оценку в многочисленных рецензиях и статьях. Вот высказывание М. О. Ауэзова об этом произведении: "Со стороны отображения взаимоотношений и бытия — городского, семейного, общественного, исторического и отдельных личностей и соответствия с жизнью, историей казахов пьеса получилась удачной".

Мне вспоминается одно из представлений этой пьесы, на котором вместе с отцом присутствовал Мухтар-ага. Сидели писатели где-то в ряду десятом, не ближе. Я изредка смотрел в их сторону и видел с каким вниманием они следили за событиями на сцене.

Когда в притихшем зале смолкла последняя реприза актера, гром оваций нарушил тишину. Зрители приветствовали талантливую игру актеров и удачу автора пьесы. Аплодисменты зрителей и актеров настойчиво просят автора подняться на сцену. Смущенно в середине зала стоит отец, и Мухтар Омарханович слегка подталкивает его, заставляя выйти на сцену.

Пьеса "Чокан Валиханов" была тепло принята зрителями в дни декады казахской литературы и искусства в Москве.

Эта пьеса утвердила Сабита Муканова в

общественном сознании как писателя обостренной социальной зоркости, высоконравственного отношения к жизни, гражданской совестливости как художника со своим самобытным видением мира, своеобразной палитрой изобразительных средств, с чистым и точным языком.

Закончив пьесу, Сабит Муканов оставил на некоторое время эту тему, так как жизнь ставила перед писателем новые проблемы. В послевоенные годы из-под его пера вышли в свет такие крупные произведения как роман "Сыр-Дарья", над которой работал параллельно с пьесой, и две книги "Школы жизни".

К образу Чокана Валиханова он вернулся вновь в 1962 году, но не как писатель, а научный исследователь. Чем это было связано? В первую очередь, его участием в редакционной работе по академическому изданию пятитомных трудов первого казахского ученого и просветителя, одного из ярких умов демократической культуры России.

Сабит Муканов поставил перед собой задачу – обобщить, осмыслить весь собранный научный материал Чокана Валиханова и показать огромный вклад выдающегося ученого в науку и общественную мысль той эпохи.

Сабит Муканов отличался исключительной трудоспособностью. Однажды он писал мне: "Ты знаешь, что я был человек-работяга. В 30-х, 40-х и даже 50-х годах жизни иной раз я писал в день почти до одного печатного листа и не плохо".

Действительно, исследование о жизни и творчестве Чокана Валиханова было написано за три месяца, с 1 августа по 2 ноября 1962

года. Девять печатных листов за столь короткий срок! Можно позовидовать такой работоспособности

Позднее, в 1964 году, вышел его научный труд "Лучезарные звезды", посвященный жизни и творчеству Чокана Валиханова и Абая Кунанбаева, этим двум гигантам, которые подобно двуглавному Эльбрусу, высятся на вершине культуры казахского народа. Этот труд отмечен Академией наук Казахстана, и Сабит Муканов становится первым лауреатом премии им. Ч. Ч. Валиханова.

К роману о Чокане Валиханове писатель приступил после завершения трилогии "Школа жизни".

Начало рукописи первой книги "Аққан жұлдыз" ("Промелькнувший метеор") помечено 9 марта 1966г., окончание – 8 мая 1967 г.

Роман писал увлеченно и легко, еще не чувствовалась усталость, которая была заметна в процессе работы над второй книгой.

Чем можно объяснить успешную работу над первой? Зная хорошо материалы и эпоху, в которой протекала жизнь Чокана Валиханова, писатель работал увлеченно и плодотворно. Свободно оперируя фактами, правдиво воссоздал многие страницы из яркой жизни Чокана Валиханова. Кроме того, писатель хорошо знал места, где проходили детские и юношеские годы героя, а также быт и нравы жителей, среду, где разворачивались события повествования.

– Знаешь, папа, по форме повествования твой роман напоминает "Марию Стюарт" С. Цвейга, т.е. ты ведешь как бы беседу с читателем, повествуешь больше от своего име-

ни. Как определяется подобная форма в жанре романа?

Он засмеялся и ответил:

— Я не критик и не теоретик литературы. Я — рабочая пчела, несущая свой нектар в соты и как многие трудяги воздвигаю медоносный улей нашей литературы. Форма подачи материала, конечно продумана. Ты знаешь, начать повествование с юных лет Чокана, не дав предысторию, т.е. историю казахского общества хотя бы первой половины XIX века, означало бы затруднить понимание читателем условий, в которых рос и формировался Чокан... Такой исторический экскурс необходим. Без него жизнь Чокана может быть понята в полной мере лишь вами, историками. Но я пишу для широкого круга читателей: для чабана, пахаря, рабочего.

Чокан — незаурядная личность, какое-то редкое явление природы. Еще будучи мальчиком, он проявлял такой интерес к истории своего народа, который возникает у людей в зрелом возрасте. Например, он совсем мальчиком записал бессмертную поэму "Козы-Корпеш и Баян-сулу". Он не был вундеркиндом, которые чахнут и глохнут с годами. Чокан же был стремительно развивающейся натурой.

В своем романе, в первой книге, я хотел показать зарождение гуманных, демократических черт в юной душе Чокана. Поэтому отказался от длинных диалогов, а стремился через характеристику образов показать условия жизни казахского общества и причины, формировавшие Чокана как историческую личность. Такой метод можно обнаружить

еще в "Школе жизни". Как назвать подобный жанр? Затрудняюсь.

Помня мораль Франсуа де Ларашфуко, что "проявлять мудрость в чужих делах куда легче, нежели в своих собственных", я больше не приставал к отцу со своими сравнениями и вопросами.

Ко второй книге "Промелькнувшего метеора" Сабит Муканов приступил сразу же после окончания первой. Эта книга, в отличие от первой, писалась трудно. Во всем сказывались годы, перенапряжение сил писателя. Именно поэтому возникает необходимость отдыха, т.е. требуется сменить условия, когда впечатления новой среды придают человеку бодрости, вдохновение. И в ноябре 1968 года он вместе с неизменной спутницей, нашей мамой, уезжает в Подмоскowie, в дом творчества писателей в Малеевке.

На курортах Сабит Муканов не отдыхал, как многие после напряженного трудового года. Он продолжал работать и там, где многие заслуженно бездельничали. Сменив место, писатель трудился еще плодотворнее. И в Малеевке занимался своим любимым делом. Вот выдержки из одного письма:

"Маратик!

Сегодня наш здешний отдых завершается. Местность здесь прекрасная, особенно природа: соединение рек Москвы и Рузы, лес-бор, прогулки долгие, воздух свежий, зима прохладная и сухая".

Отец ежедневно совершал утренние и вечерние прогулки, любясь окружающей природой. Далее в письме он рассказывает историю "писательской коммуны", о судьбе Ма-

леевки в годы Великой Отечественной войны и в конце пишет: *"Лучшего места для отдыха и творческой работы, чем здесь, не может быть. И я за 15 дней написал столько, сколько не писал за 3 месяца в Алма-Ате"*.

После пребывания в Малеевке работа шла успешно, но к весне 1969 года силы вновь иссякли.

Я неоднократно просил его в своих письмах ограничить трудовой день. Но он никогда не расставался с творчеством, наоборот, с полной отдачей сил продолжал работать еще настойчивее. Это и было причиной его усталости. В апреле 1969 года он писал мне:

"Устал я страшно и никак не могу завершить вторую книгу о Валиханове, хотя осталось дописать очень мало".

В другом письме он продолжил свою мысль:

Маратик!

Я все еще волочусь¹ в Алма-Ате, главная причина, как прежде сообщал – никак не могу завершить вторую книгу "Аққан жұлдыз". Оберозовался заколдованный круг, из которого никак не выйду. Впрочем подобранны и материалы, готов сюжет, надо написать всего навсего 15-20 страниц...

Это, очевидно, объясняется прежде всего усталостью...

В одном из писем он конкретно указывает на причины, затрудняющие завершение книги:

¹ Писатель намеревался в конце июня уехать отдыхать в Боровое.

"1) Всегда, во всех творческих делах, конец работы самый тяжелый;

2) Было много того, что портило мое настроение и это отвлекало меня от творческих дел, и, наконец, 3) приближающаяся старость начинает (давать) знать о себе.

Ох и устал я, родной мой!... Врачи говорят, что (надо) немедленно уезжать на отдых, иначе может случиться катастрофа".

Все окружающие, как считали предостережение врачей преувеличенным, но, возможно, это был первый звонок в жизни писателя.

Однако он продолжал работать, ибо люди его склада не мыслят себя вне работы и отход от нее означало бы для писателя моральную смерть, страшнее естественной.

И какова была беспредельная радость, когда он завершил работу над второй книгой. Об этом, читатель, можно судить по следующему отрывку из его письма:

"Ура Маратик!

Вторую книгу "Аққан жұлдыз", мучавшую меня за последние годы, особенно конец, сегодня закончил, и по своему убеждению – успешно".

После завершения второй книге отец намеревался отдохнуть в Боровом; но судя по его письму, ему запретили выехать куда-либо и "...врачи-паникеры опять приковали к постели".

Только во второй декаде октября отец, мама и я направились в Кисловодск в санаторий. Много радостных дней сохранилось в памяти от той золотой осени Северного Кавказа и мой фотоаппарат запечатлел во многих снимках бесконечно дорогой образ.

Я уже говорил о нескольких счастливых днях, проведенных на Кавказе. Вдобавок к тому хотелось бы еще отметить некоторые черты характера писателя – его общительность и то доверие, которое он вызывал у всякого кто с ним знакомился. Вот два эпизода, произошедших в санатории.

За нашим обеденным столом четвертым компаньоном была врач из Риги, молодая женщина с приятной внешностью и веселым характером. Римма всегда охотно слушала рассказы отца, бурно выражала свои восторги и от души смеялась, так как с искрометным юмором отец всегда вел беседы.

Однажды отец поведал о своеобразии китайской и цейлонской кухни, делясь своими впечатлениями о пребывании в странах Индийского океана. Мама и Римма внимательно слушали отца, а я невольно обратил внимание на человека, обедающего за соседним столом, который невольно стал слушателем нашей веселой беседы. Он сдержанно улыбался, потом я встретился случайно с незнакомцем в фойе клуба и он спросил кем для меня является рассказчик и кто он. Я ответил на его вопросы.

– Он написал "Ботагоз?" – спросил он.

Я ответил утвердительно и мы познакомились. Прославленный командир полка кавалерийской армии генерал Белов, Герой Советского Союза, полковник запаса и просто житель Минска Василий Дмитриевич Гладков попросил представить его отцу, что я с удовольствием сделал.

После знакомства писателя и боевого ветерана часто можно было видеть их вместе беседующими. Тем более, Сабит Муканов

гостил часто в Минске у друзей – таких известных белорусских писателей, как Максим Танк, Петрусь Бровка, Иван Мележ и другие.

Второй эпизод, о котором хочется рассказать, связан с отдыхающими из Чечено-Ингушетии. К сожалению, мне помню их фамилий, но знаю, что один из них был инженером на нефтяных промыслах Грозного.

Большинство чеченцев и ингушей, проживавших в годы войны в Казахстане, всегда с теплотой вспоминают эту землю и ее народ. Для многих из них Казахстан стал родиной, поскольку несколько поколений родилось здесь, некоторые свободно говорят по-казахски.

Так вот, с первого дня, узнав, что мы из Казахстана, и зная хорошо, кто такой Сабит Муканов, они окружили его особой теплотой. Можно было часто увидеть их за беседой. Они рассказывали Сабиту Муканову о своем крае, о его природе, людях, а писатель – о тех гигантских изменениях, происшедших в последние годы в Казахстане.

Когда срок нашего отдыха подходил к концу, они пришли к нам и от души просили провести несколько дней в Чечено-Ингушетии.

– Дайте только согласие, – говорили гостеприимные люди, – и мы сейчас же позвоним в обком партии, вызовем машины и вместе поедем хоть сегодня, несмотря на то, что срок отдыха еще не закончился.

Отец сердечно поблагодарил за приглашение, говорил, что всегда с искренней теплотой относился к братским народам. Он вспоминал что когда-то поддержал начинающего чеченского поэта Магомеда Салоева, ныне очень известного за пределами своей республики.

Однако говорил отец, из-за ограниченности времени сейчас не имеет возможности посетить братскую республику, но твердо обещал, что в недалеком будущем обязательно навестит знакомых.

После отдыха на Кавказе, в последние месяцы 1969 года, отец углубился в чтение литературы и почти ничего не писал.

В начале 1970 года я уехал на годичную стажировку в Москву и могу судить о творческой работе писателя только по его письмам. Вот что он писал в апреле 1970 года:

"Зима оказалась подходящим для меня временем отдыха. Кроме мелких статей (хоть изрядного количества), я за эту зиму ничего значительного не писал. Но и не сидел сложа руки, а подбирал материалы для третьей книги "Аққан жұлдыз". Как только настанет теплая весна, съезжу по Валихановским местам и за третью книгу возьмусь с осени текущего года".

Еще раз пришлось мне убедиться в том, как постоянно живет отец своей книгой. Измученный усталостью и обострением застарелой болезни, он будет собирать материалы для третьей книги? Судя по письмам, задумал вновь посетить некоторые места республик Центральной Азии, на территории которых в XIX веке существовали различные ханства. История древних государств тесным образом связана с биографией Чокана Валиханова или же нашла отражение в научных трудах ученого.

В письмах где он описывает свою поездку на торжества по случаю 2500-летия со дня основания Самарканда, наряду с другими достопримечательностями древней узбекской

земли, он упоминает о своих творческих исканиях следующее: "После Самарканда мы выехали в Коканд. Там неплохо сохранились остатки Орды (ставки – М. М.) Кудаяр-хана. В этом полуказахском городе (ведь все наши южные области долгое время были в этом ханстве) много интересного и поучительного (обо всем не напишешь). Собранные материалы мне нужны для дальнейших книг "Аққан жұлдыз".

Прочитав письмо, я понял, что повествование о Чокане Валиханове не ограничится трилогией, как задумано, рамки его расширятся.

В следующем письме отец пишет о посещении Ферганы и Коканда, прислал снимки древних памятников.

В двадцатых числах ноября 1970 года Сабит Муканов в сопровождении Казахской экспедиции прибыл в Москву на юбилейные торжества по случаю своего семидесятилетия.

3 декабря в Центральном доме литераторов прошел вечер, посвященный юбилею Сабита Муканова. Председательствовал Н. С. Тихонов.

"И в президиуме, – писала участница вечера, – и в переполненной зале ЦДЛ можно было увидеть представителей ряда поколений многонациональной советской художественной интеллигенции – казахской, русской, украинской, узбекской, белорусской, татарской, башкирской... И в зале, и в президиуме сидели читатели и почитатели Сабита Муканова, его друзья, друзья казахской литературы".

На вечере присутствовали видные писатели: С. Сартаков, Г. Серебряков, И. Мележ, К. Алтайский, С. Бородин, А. Кешоков и мно-

гие другие. Казахстанскую делегацию представляли первый заместитель Председателя Совета Министров Казахстана А. Вартанян, постоянный представитель Казахстана при Совете Министров СССР У. Атамбаев, президент Академии наук КазССР Ш. Есенов и другие. Группу писателей возглавлял старейшина казахской литературы С. Бегалин. Из деятелей искусства присутствовали народные артисты СССР Бибигуль Тулегенова и Роза Багланова и другие

Вечер прошел исключительно тепло и сердечно. Николай Семенович Тихонов сравнил литературную деятельность Сабита Муканова с бурным потоком, охватившем многие стороны жизни казахского народа. Его лучшие шедевры, говорил он, вошли в золотую сокровишницу мировой литературы. Н. С. Тихонов подарил Сабиту Муканову свои две последние книги, сопроводив их дружественными посланиями.

Тепло говорили о юбиляре, по-братски обняв его, С. Сартаков, С. Бородин, И. Мележ и другие. Очень трогательным было письмо Л. Соболева, оглашенное на вечере. Леонид Сергеевич, еще не оправившийся от сложной операции, приветствовал в письме своего друга, сожалел, что не может присутствовать на вечере, пожелал юбиляру дальнейших успехов, подписавшись в конце письма по-казахски — "Леке", как неоднократно обращался к нему Сабит Муканов.

После торжественной части состоялся концерт, в котором приняли участие Бибигуль Тулегенова, Роза Багланова, артисты вахтанговского театра им. Моссовета, прочитавшие ру-

байаты и отрывки из "Школы жизни" Сабита Муканова, солисты "Молодого балета Алма-Аты", артисты эстрадного ансамбля "Тульдер" и другие. Вечер прошел интересно.

Однажды утром, когда в номере гостиницы "Украина", собралась наша дружная семья (отец, мама, младший брат, инженер-подполковник Алтай, находившийся в служебной командировке) я спросил писателя о его дальнейших планах относительно романа о Чокане Валиханове.

"Видишь ли, — ответил он, — короткая жизнь Чокана по своей значимости и содержанию равна целому столетию. Ты знаешь его труды и те проблемы которые охвачены в них. История, этнография, география, вопросы языкознания и фольклора многих народов Востока! А круг лиц, связанных с его именем? Достоевский, Чернышевский, Дуров, Ядринцев... Велика деятельность Чокана в Казахской степи, его борьба за интересы народа! Жил славной жизнью. Мой материал уже не входит в рамки трилогии, по крайней мере я должен написать еще две книги. Вот чем ейчас я занят: обдумываю план дальнейшего повествования и композиционное строение каждой книги.

Мне хочется на время отойти от этой темы. Почему? Потому что я хочу, чтоб на время забыть часть накопленного материала, который в данный момент считаю важным, но со временем может стать второстепенным".

— И долго продолжиться эта пауза? — спросил я.

— По крайней мере год, — задумался он.

Зная о его неосуществленных замыслах,

которых у настоящего писателя всегда немало спросил:

— Но ведь ты над чем-то будешь работать, если оставишь эту тему?

— Пока не знаю, — лаконичный последовал ответ.

Мама быстро перевела беседу на семейные темы и разговор о творческих планах прекратился.

В середине декабря они вернулись в Алма-Ату. В письме, написанном на кануне 1971 года, отец сообщал о своих занятиях:

"Я еле закончил работу над подготовкой первого тома сочинений в печать. Работается плохо. В нем — все мои лучшие стихотворения.

Второй том — "Ботагоз" должен увидеть свет в 1971 году. И его надо просмотреть. Вообще, все 16 томов просмотрю, ибо вряд ли к ним вернусь позже. А вот сумею-ли написать новое, это вопрос. Замечаю, что творческая сила убывает. Хорошо бы завершить "Промелькнувший метеор" (третью и четвертую книги). Это зависит от настроения и условий".

Таким образом, оставив тему о Валиханове и занимаясь техническим редактированием томов избранных сочинений, он продолжает думать о "Промелькнувшем метеоре".

Вернувшись в Алма-Ату в мае 1971 года, после окончания московской стажировки, я подключился к подготовке его избранных томов к изданию, но ненадолго, поскольку уезжал в составе этнографической экспедиции в Кызыл-Ординскую область.

Его упорство в работе той поры меня иногда поражало. Нетерпение и творческая

страсть поглащала его целиком. Близкие и родные, видя усталость главы семьи, настаивали на скорейшем отъезде на отдых, так как знали, что перемена условий всегда придает ему бодрость и силу. В июне отец и мама уехали в Латвию в дом творчества писателей "Дубулты". Надеялись, отдохнет папа, восстановит силы, и, как гарантию, взяли обещание у мамы, что она отнимет у него все ручки и бумаги. Но я один мало верил в это, ибо знал его характер, испытываемую тоску, если перед ним не будет лежать пачка бумаги и ручка с чернилами. Так оно и вышло. Вот отрывок из его письма:

"Дни в начале были прохладными, а потом заметно потеплело. Мама купается и загорает ежедневно (установилась хорошая погода), а я – через день (и то для меня хватает). С 20-го принялся за пьесу "Жыраққа жол" ("Дорога в даль") о строительстве железной дороги "Петрокок" при Ленине. Тема сложная и ответственная. Пока работается хорошо".

Работал Сабит Муканов над рукописями иступленно. Казалось бы, что нужно еще признанному и читаемому писателю? Ходить бы ему по янтарному берегу взморья, любоваться бы перекатами белых "кудрявых" волн Балтики и вдыхать соленый живительный воздух моря! Нет же! Чувствует он себя не уютно, осиротевшим без письменного стола, без тишины, наедине со своими мыслями.

Таково жизненное кредо писателя – трудиться не покладая рук, помня, что дар художника – прежде всего, долг и обязанность. Перед собой, перед читателем, перед людьми.

ТРУД ПО ЭТНОГРАФИИ КАЗАХОВ

Однажды августовским вечером 1971 года мы прохаживались по слабо освещенной улице М. Тулебаева. Спала дневная жара, на город набежала прохлада, принесенная со снежных гор Алатау. Легкий ветерок шумел по верхушкам высоких тополей, редко встречались прохожие.

Присев на скамейку под акацией, отец поделился со своими планами: "Ты знаешь, Маратик, вам, казахстанским этнографам, можно позавидовать. Вы, в соответствии с вашим призванием, работаете среди народа, изучаете его духовную и материальную культуру. Интересная и благородная работа. Я внимательно слежу за научными публикациями, они очень интересны. Об этом слышу и от других. Но беда в том, что вы многое не знаете из прошлого казахов, из его быта, обычаев, нравов. Ваш багаж знаний, почерпнутый из научных трудов, не очень богат. Воздавая должное дореволюционным историкам-этнографам, все же надо заметить, что в их трудах отсутствует многое из жизни казахов.

Нам уходящему поколению, надо оставить потомкам летопись казахского народа. Такая летопись, кроме познавательного значения, имеет и практический смысл – она покажет, в каких условиях мы жили и чего добились в настоящее время. Ведь сравнительный метод есть один из важных принципов создания истории народа.

Многие люди моего поколения ушли из жизни, не оставив потомкам свои наблюдения и впечатления из жизни казахов. Прекрасным

знатоком быта и культуры казахов был Каныш Сатпаев. Многое сказал людям о жизни казахов Мухтар Ауэзов в своем знаменитом "Абае", но он мог бы сделать больше, написав специальный труд по этнографии казахов. Много знает Алкей Маргулан, твой шеф. В запасниках его архива, а главное в уме его — целый клад фактов из жизни казахов. Но он ударился в археологию, она довлеет над Маргуланом-этнографом. Я много раз просил его побольше писать по этнографии, так как время бежит неумолимо, и мы не вечны.

Не ожидая, пока кто-нибудь возьмется за это дело, я решил, отложив на время роман о Валиханове, приняться за работу по этнографическому образу жизни казахов".

Так впервые я услышал о новых планах писателя.

"Очерки, — продолжал он, — состоят из двух книг, в первой будет освещена общественная жизнь казахов, во второй — через семью, как социальную ячейку общества, хочу раскрыть обычаи, нравы и все остальное, что сопровождает человека со дня его рождения и до окончания жизненного пути". Немного помолчав, заключил: "Подбери, пожалуйста, труды Тэйлора, Моргана, Пантусова, Левшина, занимавшихся историей древнего общества, семьи и брака".

Я всегда был, так сказать, бессменным секретарем писателя и, получая список нужной ему литературы или необходимого архивного материала, знал местонахождение их на различных полках библиотеки. Вернувшись домой, подобрал указанную литературу, поскольку завтра утром они должны непременно лежать на рабочем столе Сабита Муканова.

В высказанных словах обозначены лишь пунктиры того, о чем писатель намеревался писать. С каждым днем замысел углублялся и расширялся. На второй план отошла текущая работа, он вновь задумал представить работу на суд казахского читателя.

Как рождается замысел? В своей поэтической книге "Золотая роза" К. Паустовский пишет: "Появление его всегда бывает подготовлено внутренним состоянием писателя."

Замысел — это молния. Много дней накапливается над землей электричество. Когда атмосфера насыщена им до предела, белые кучевые облака превращаются в грозные грозовые тучи и в них из густого электрического настоя рождается первая искра — молния.

Почти тотчас же вслед за молнией на землю обрушивается ливень. Замысел, так же как и молния, возникает в сознании человека, насыщенном мыслями, чувствами и заметками памяти. Накапливается все это исподволь, медленно, пока не доходит до той степени напряжения, которое требует неизбежного разряда. Тогда весь этот сжатый и еще несколько хаотичный мир рождает молнию-замысел.

... Если молния замысел, то ливень — это воплощение замысла. Это стройные потоки образов и слов. Это книга".

Какое образное сравнение дал замечательный писатель художнику, задумавшему новое произведение. (И как жаль, что одна из его книг с дарственной надписью Сабиту Муканову, так и затерялась в библиотеке недобросовестного хранителя чужих книг).

Сабит Муканов, ровесник века, рос в казахском ауле, где еще господствовали обычаи и

нравы седой старины. Будучи выходцем из самых низов казахского общества, он испытал на себе бесправие и нужду, был свидетелем многих сцен степной жизни, когда кнут в руках степного феодала заставлял работать на него целые кочевые общины или же превращал их в безлошадных пахарей-жатаков.

Сабит Муканов, как бы на корню, видел обычаи и обряды, сопровождавшие человека от колыбели до могилы. Радостные обряды, связанные с рождением ребенка, чередовались с неписанным законом калыма – отдачей девушки замуж при помощи купли-продажи. Звуки свадебной песни "Беташар" ("Открытие лица невесты") сменялись траурной песней по умершему – "Жоқтау". Панорама народной жизни в родной степи проходила перед глазами мальчика, укрепились в памяти будущего писателя.

Замысел этнографических очерков назревал долго и медленно. Многие страницы произведений Сабита Муканова, особенно "Школы жизни", "Промелькнувшего метеора" и "Светлой любви", повествуют о быте и нравах, обычаях и обрядах казахов в прошлом. Они возбуждают живой интерес к наследию казахского народа.

От частых наблюдений писатель идет к большим обобщениям. Он стремится возбудить пытливую мысль читателя, дать толчок его интересам.

Осенние месяцы прошли за чтением книг "Древнее общество" Л. Моргана, "Первобытная культура" Э. Тэйлора, труды А. Алекторов, Н. Пантусова и многие другие вновь были просмотрены, изучены. В начале зимы

он приступил к изложению задуманного этнографического очерка. Бессменно пользовался трудами Чокана Валиханова, в которых воплощены высшие достижения народного духовного богатства.

Первый том имел заголовок "Қазақ қауымы" ("Казахское общество") с подтекстом: историко-этнографический обзор.

Согласно замыслу автора, книга была посвящена общественной жизни казахов. В ней были рассмотрены различные родословные предания казахов, освещены вопросы происхождения казахского народа, религии, показано хозяйство, различные стороны материальной и духовной культуры и т.д. Обзор доведен до возникновения казахской письменной литературы и ее лучшего представителя Абая Кунанбаева.

В основном он опирался на свою память, много интересных плодотворных мыслей для будущего исследования научно-творческого порядка высказаны информаторами. Достаточно сказать, что по казахской родословной (шежере) в архиве писателя обнаружено мной двадцать объемистых тетрадей и в списке информаторов числится около 50 человек. Назову некоторых из них: Ташен Тольпекоев – 1860 года рождения, Аккул (1876 г.р.), Жайлаубай Тасбулатов (1883 г.р.) и другие. Среди информаторов есть и женщина по имени Мадина, 1860 года рождения. Как видим, возраст информаторов солидный и можно уверенно сказать, что это были последние могикане в области народных преданий и родословий. К этому списку следует добавить рукописную "Историю казахского народа" Машхур-Жу-

суп Копеева, одного из немногих казахских деятелей-собираателей.

Писатель использовал также работы некоторых авторов, изданных до 1917 года в Казани на арабском алфавите. К сожалению, эти исследования, богатые фактическим материалом и мало уступающие многим печатным трудам того времени, малоизвестны читателю.

Рукопись была закончена в санатории "Алатау" близ Алма-Аты в 13 часов 12 минут 28 февраля 1972 года, объем которой составил около 16 печатных листов.

Сабит Муканов не приступал к работе над второй книгой "Казахского общества" около года, ожидая выхода в свет первой и откликов читателей. Но писателю не суждено было завершить задуманное. Первая книга "Казахское общество" стало последним трудом Сабита Муканова, издана посмертно и под другим названием – "Народное наследие".

О дальнейших замыслах писателя мы узнали в последних числах трагического для нас апреля 1973 года, когда, раскрыв папку, возвращенную из больницы, среди стопки чистой бумаги увидели план задуманной, но ненаписанной второй книги. Это самое последнее, написанное рукой Сабита Муканова.

Впервые на суд читателя представляю перевод рабочего плана второй книги, написанного арабским алфавитом:

"Казахское общество", 2-я книга. Личная жизнь казахов.

1. Живая природа, фауна и флора (половое разделение обусловленное законом природы).

2. Рост растений, без движения. В перекрестном опылении участвуют различные на-

секомые, птицы, переносящие на себе пыльцу различных полов.

3. Насекомые привлекаются растениями своим многоцветием.

4. Птицы привлекают друг-друга оперением или звуком.

5. То же у людей, в первую очередь у женщин: манерой одеваться, пением, игрой на музыкальных инструментах.

6. Взаимоотношение полов имеет свою историю:

а) Первобытная комунна;

б) Период матриархата; был ли он у казахов? Имена некоторых матерей стали уранами (кличами) родов; Домалақ-шешей, Каркабат, "етек" – "карпык", "бике". "Бала белде, қатын жолда".

в) Феодализм, многоженство: у Аблая, Вали, Мажена;

г) Калым, возможно, возник в период феодализма (частная собственность);

д) Виды калыма: кто не мог уплатить "47", "жүз тайлақ", тот не мог жениться... (Токпанбай, Сыйкым и другие объединили стадо скота чтобы женить одного. Полнее попозже);

е) Супруги (Кортка), "косак" – пара ("Живи до седины со своей парой"), иначе называется "алғаным";

ж) "Бас екеу болмай, мал екеу болмайды", "Қатын алсан, атын ал".

7. Исходя из этого нельзя рассуждать, что между юношей и девушкой не было взаимной любви:

а) Любовь была у казахов и на эту тему в различное время было создано много художественных произведений (мелкие и объемистые);

б) Абай сочинил много образцов любовной лирики;

в) Невозможность платить калым было печальной причиной того, что любимые не могли соединить свои жизни;

г) Калым был причиной неравного брака и выдачи девушек за инвалида, больного, старика.

8. Женатые: пара, супруги..."

На этом обрывается рабочий план писателя, который трудно и долго зрел в нем. Сабит Муканов всегда сам вносил идеи и мысли, свои чувства, когда речь шла об интересах страны, о жизни о судьбе родного народа. Уверен, если б была завершена книга, то читатели могли бы познакомиться со многими сторонами личной и семейной жизни казахов. В связи с этим, вновь вспоминаю слова отца, высказанные во время одной беседы:

— Все сосредоточено в голове. Лежу отдыхаю, а сам мысленно прочитываю страницы будущей книги. Хватит ли сил?

1973 год писатель хотел посвятить работе над второй книгой своих очерков по этнографии казахов. Продолжая знакомиться с литературой по этому вопросу, папа взял у меня книгу П. Кушнера, представляющую собой систематизацию научных достижений по развитию человеческого общества с древнейших времен. Эта интересная работа представляющая библиографическую редкость, затрагивает историю развития семьи и связанные с ней обычаи и обряды, исследуя общественные институты родового строя и феодализма, затрагивает вопросы религии и т.д.

В то время на рабочем столе писателя можно было увидеть "Путешествия" Миклухо-

Маклая, "Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области" Н. Гродекова, "Сибирские инородцы" Н. Ядринцева, "Закон и обычай на Кавказе" М. Ковалевского в трех томах и т.д.

Изучая эти труды, он стремился разобраться, что нужно взять из наследия, что отбросить. Богатый исторический и литературный материал послужил бы писателю исходным пунктом и основой для создания интересной книги о наследии казахов. Да и сам писатель знал многое, вырос не на пустом месте, его питали и выпестовали сокровища народного творчества и народная мудрость.

Однако замыслу Сабита Муканова не суждено было осуществиться, также незаконченным остался роман о Чокане Валиханове.

* * *

В этой главе рассмотрена история создания трех произведений Сабита Муканова на основе его архива и личных воспоминаний. Очень много интересного может обнаружить будущий исследователь. В архиве писателя остались неопубликованными многие записи, замечания, впечатления писателя. Многие жизненные факты, эпохальные события не вошли в такие произведения, как "Балуан-Шолак", "Ботагоз", "Школа жизни".

Ибо отец прожил долгую жизнь, работал, учился, обогащаясь разнообразными впечатлениями. Конечно не все факты, срастаясь с художественным вымыслом, могут слиться гармонично в произведениях.

Мне хочется привести еще один эпизод, свидетелем которого был в период работы писателя над первой книгой "Школы жизни".

Чарльза Диккенса, работавшего над "Дэвидом Копперфилдом", многие современники видели плачущим над отдельными его страницами. С подобным столкнулся и я.

Однажды, войдя в кабинет отца, увидел его согбенную спину за рабочим столом. Плечи его, словно от утренней прохлады, изредка подергивались. Подумал, наверное, прохладно и решил прикрыть окно напротив его письменного стола. Закрыв створку, повернулся лицом к отцу, и испугался: по его лицу текли горошинки слез, он почти бесшумно всхлипывал, ручка выдавала дрожь пальцев и оставляла кляксы на листе бумаги.

– Что случилось? – с тревогой спросил я.

Движением руки попросил присесть на диван. Успокоившись, сел около меня, держа полуисписанный арабской вязью лист бумаги.

– Ты знаешь, я пишу "Школу жизни". И вот дошел до этой страницы и не мог удержаться. Здесь я описываю тяжелую судьбу своих сестер, похожую на судьбу тысяч их сверстниц. Подумать только, сколько загубленных, безрадостных жизней! Вот мои сестры... Что они хорошего видели в жизни? Ведь, кажется, человек приходит на этот свет однажды и должен радоваться этому. А на деле – море слез, горя, а радостей – ничтожные песчинки. Перо мое просто не пишет, во мне все бунтует, протестует против позорных обычаев и нравов прошлого! Помолчав немного, он продолжал: "Я считаю своим долгом написать роман о судьбе женщин через образы моих сестер".

– Нечто подобное "Сестрам" Вересаева или Алексея Толстого? – поинтересовался я.

Выдержав паузу, он ответил:

– Нет, не совсем. В России положение женщин было тяжелым, но у нас еще хуже.

В этом маленьком эпизоде вся его суть. Природа наделила Сабита Муканова, помимо трудолюбия, характером доброго и отзывчивого человека, внимательного к бедам не только ближних, но и совершенно посторонних людей. Об этом хочется рассказать в следующей главе.

Жизнь писателя-гражданина Сабита Муканова интересна встречами с различными людьми на многочисленных перекрестках нашей эпохи. Некоторые из них оказали большое влияние на начинающего писателя в его становлении и формировании. Другие шли рука об руку с Сабитом Мукановым, став его братьями по перу. В судьбе некоторых зрелый мастер сам сыграл роль наставника и воспитателя. Он горячо поддерживал молодых писателей, оказывал им повседневную творческую помощь.

Его современниками и соратниками по перу были Сакен Сейфуллин, Беимбет Майлин, Ильяс Джансугуров и Мухтар Ауэзов.

С. Муканов пришел в литературу в чрезвычайно сложный и трудный период, как он сам говорил, в эпоху преобразования мира, которую принял безоговорочно. Большое влияние он оказал на Сабита Муканова.

Первые послереволюционные дни требовали от художника слова не только создания литературных произведений, но систематического выступления в печати и на многочисленных собраниях, митингах, дискуссиях и обсуждениях. Эту небывалую миссию писа-

теля начал исполнять зачинитель новой казахской литературы Сакен Сейфуллин.

Образ заботливого наставника нашел отражение на многих страницах "Школы жизни" и в пьесе "Сакен Сейфуллин" Сабита Муканова. В дни празднования семидесятилетия Сакена Сейфуллина, отец не знал покоя, делал все, чтобы воздать должное памяти славного поэта.

Читая "Школу жизни", мы узнаем о первой встрече юноши-Сабита с Баймагамбетом Зтулиным, оказавшим большое влияние на формирование писателя. И как тяжело переживал чоновец Сабит гибель своего друга в дни кулацкого мятежа на Севере Казахстана.

Сабит Муканов знал Баймагамбета Зтулина не только как борца за народное дело, но и как поэта. Он долгое время искал тетрадь стихов погибшего поэта, но она бесследно исчезла. Когда отшумели грозные годы, Сабит Муканов продолжал поиски среди близких и знакомых, среди тех людей, кто знал наизусть, поскольку считал это священной обязанностью перед памятью друга, своим человеческим долгом. Крупица за крупицей собрались стихи Баймагамбета Зтулина и в 1957 году вышел сборник стихов поэта с обширным предисловием Сабита Муканова. Долг перед памятью друга была выполнена. Как реликвию берег Сабит Муканов два листка автографа стихов Баймагамбета Зтулина, которые и ныне хранятся в архиве писателя.

Подобных встреч с интересными людьми не счесть. Наш небольшой дом, некогда существовавший на улице Артиллерийской, напоминал ямскую станцию, где останавливались,

и довольно на долгий срок, многие постояльцы. Разные были эти люди: чабаны и рабочие, чиновники и начинающие писатели, молодые и старики и т.д.

В нашем доме долго жил с семьей Габиден Мустафин, ныне один из выдающихся писателей Казахстана. Несколько лет проживал у нас молодой филолог Темиргали Нуртазин, впоследствии профессор Казахского государственного университета. Из нашего дома, приняв отцовское напутствие, ушел на фронт Малик Габдуллин, ставший Героем Советского Союза и национальным батыром казахов, а в мирные дни — доктором филологических наук, профессором и действительным членом Академии педагогических наук СССР. В маленькой комнатухе в шесть квадратных метров нашего дома заканчивал свой первый роман "Курляндия" Абдижамиль Нурпеисов, ныне широко известный писатель, лауреат Государственной премии СССР.

Многие известные люди и простые труженики испытали на себе всю широту братской заботы Сабита Муканова. Он был популярен в народе как наставник и друг.

ИСТОРИЯ ОДНОГО МАЛЬЧИКА

Январь сорок пятого года. Отец, уединившись в рабочем кабинете, пишет Арстан и я сидим возле мамы у ярко пылающей кухонной плиты. Старший брат читает последние сводки Совинформбюро. Вдруг слышен легкий стук в дверь.

— Кто это может быть? - сказала мама. — Марат, иди открой. Время было позднее.

– Кто там? – спросил я.

– Откройте, – раздался детский писклявый голос.

Я открыл. Передо мной стоял мальчик лет десяти, весь запорошенный снежным пухом, словно в белом халате. Я попросил его отряхнуться и войти. Увидев входящего, подошла мама и юнец представился:

– Зовут меня Ашертай Ибрагимов. Я пришел к Сабит-агаю посоветоваться. Можно его увидеть?

– О чем? – подумал я и пошел сообщить отцу о посетителе.

Отец всегда требовал ставить его в известность о каждом, кто его спрашивал, независимо от того – занят в это время или нет.

Сабит Муканов вышел из кабинета, внимательно посмотрел на мальчика и пригласил в кабинет. Сидели собеседники, уединившись, недолго. Папа вышел в переднюю комнату улыбаясь и спросил, есть ли чай.

Чайник шумел на плите и вскоре, вместе с поздним посетителем, всей семьей собрались за столом. Мальчик, оказывается принес свой "киносценарий" на суд писателя. Отец был весел и за столом повторил, видимо, еще раз то, что говорил мальчику наедине, т.е. с чего начинает любой писатель: с маленького стихотворения, рассказа, а затем, по мере накопления жизненного опыта, развития своего таланта переходит к более объемным литературным произведениям. Посоветовал Ашертаю написать что-нибудь интересное из школьной жизни, о своих товарищах и друзьях.

Здесь мне хочется сделать отступление, чтобы подчеркнуть насколько верными были

пожелания писателя. В один из зимних вечеров 1976 года нашего совместного отдыха в Боровом, А. Нурпеисов сказал примерно следующее: "То что я начал свой писательский труд с романа "Курляндия", считаю не совсем правильным. Нужно, конечно, начинать с малых форм (рассказы, новеллы, очерки и т.д.), и только затем переходить к повести, роману". Выстраданный опыт зрелого мастера, большего не скажешь! Но вернемся к нити нашего рассказа.

Мальчик немного рассказал о себе: живет он с матерью и с братом на окраине города.

После чая Ашертай засобирался домой, но мои родители не решились отпустить мальчика в столь поздний час, и он остался ночевать.

Утром нас разбудила мама, накормила и мы, дети, в том числе и Ашертай, ушли в школу. С тех пор любознательного человека мы не видели.

Однажды, в конце сороковых годов, отец вспомнил об этом мальчике. На следующий день он вместе с матерью отправился искать ночного гостя по адресу, оставленному в тот выюжный зимний вечер.

Дом на окраине города нашли, но мальчика юного "киносценариста" там не оказалось. Выяснилось, что после смерти матери между Ашертаем и женой старшего брата возникли какие-то недоразумения и родственник не нашел ничего лучшего, как отдать мальчика в детдом.

Мои родители направились прямиком в детский дом. Беда, как правило, не приходит одна: к отверженности со стороны близких

прибавилась тяжелая болезнь, парализовавшая ноги подростка. Родители встретили мальчика, опиравшегося на костыли.

Сабит Муканов всегда с большим сочувствием относился к любым бедам людей, особенно, если это касалось детей, так как около двух десятков лет его жизни прошли в беспросветной бедности, унижениях, батрацкой доле. Отяжкой доле казахских детей и страданиях он знал не понаслышке. Отец как мне думается, хотел бы собрать все беды человеческие обратно в ящик Пандоры и так захлопнуть крышку этого источника несчастий, чтобы он больше никогда не открывался и не приносил страданий людям, особенно ребятишкам. Но действительность порою бывает также жестока, как и события древнегреческой мифологии.

Мне вспоминаются страницы "Школы жизни", где Сабит Муканов после окончания третьей конференции Коммунистической партии Казахстана (1923), делегатом которой он был, выехал в родные места Северного Казахстана и, собрав там группу детей бедноты, привез их на учебу в г. Оренбург. Среди них был нищенствующий сирота хромой Абулхаир.

Вспомнил ли отец случай давних лет – не знаю, но найдя мальчика, мои родители приняли близкое участие в его судьбе. Ашертай стал гостить в нашем доме, родители посещали детдом, где жил мальчик, интересовались его учебой и условиями жизни.

В 1953 году Ашертай успешно закончил школу. Отец расспросил его о дальнейших планах и, узнав что он хочет поступать в Московскую консерваторию, горячо поддержал стремление одаренного юноши.

У Ибрагимова не оказалось средств на поездку и отец помог ему материально, купив билет на московский поезд. Провожать Ашерта поручили мне. Родители тепло попрощались с мальчиком, обняв сказали много добрых напутствий и под конец наша мама положила в его карман некоторую сумму денег.

Сидя в машине, растроганный Ашертай сказал:

— Какие хорошие люди, словно отец родной, мать родная! Вечно в сердце моем будет их доброта, их участие.

Ашертай поступил в Московскую консерваторию, окончил ее и сейчас работает, как я слышал, директором музыкальной школы в Подмоскowie.

Эта правдивая история раскрывает одну из черт характера Сабита Муканова — его заинтересованность в судьбе человека, стремлении помочь брошенным детям встать на верный путь жизни, его веру в доброе человеческое начало. Папа от всей души стремился помочь людям, как только мог и в меру своих сил.

Приведу еще один пример. Долгие годы писатель принимал самое горячее участие в работе Казахстанского общества слепых. Он часто выступал перед инвалидами на литературных вечерах. Как депутат Верховного Совета республики Сабит Муканов содействовал решению хозяйственных и культурных задач и т. д. Избрание писателя почетным членом правления Республиканского общества слепых явилось выражением доверия и благодарности незрячих людей за большое участие в их судьбе.

Сабит Муканов очень любил людей, всегда стремился принести радость и оказать помощь тем, кто к нему, например молодой литератор, приносил свое первое произведение, признанный академик делился своими научными поисками, чабан рассказывал о нуждах животноводства, совсем незнакомая супружеская пара просила быть крестным отцом своего первенца и т.д.

Только обладая чувством большой человеческой любви к людям, можно было постигнуть всю меру их страданий и нужды и не ограничиться сочувствием, как это делали многие почтенные люди, а обратить чувство в действие и помочь.

ГОДЫ ВОЕННЫЕ

Начало войны застало Арстана и меня в одном из подмосковных пионерских лагерей. В конце июня мы вернулись в Москву и увидели, как переменялась первостольная за нескольких военных дней. Всюду чувствовался боевой настрой жителей города, на стенах расклеены призывные плакаты, по улицам то и дело проходили колонны солдат.

Выехать в Алма-Ату удалось только в конце первой декады июля. Нас взял на свое попечение И. Т. Дуйсенбаев, тогда еще молодой филолог, ставший в последствии доктором филологических наук, членом-корреспондентом Академии наук Казахстана.

Девять суток находились в дороге. Во время частых и продолжительных стоянок, когда мимо нас проходили военные эшелоны, только

тогда до моего детского сознания дошло понятие, что такое война.

Военные перемены чувствовались и в Алма-Ате. На улице Фурманова, около нашего дома, целыми днями велось обучение призывников и мы, мальчишки, очень сожалели, что не можем встать в строй вместе с ними.

Страна готовилась дать достойный отпор немецким захватчикам и нет, пожалуй, ни одной семьи, которой не коснулась бы война.

До войны из нашего дома ушел в ряды Красной Армии мой двоюродный брат Нурке Сулейменов. Он служил на пограничной заставе на западной границе бывшего СССР. В майском письме Нурке сообщал, что служба его подходит к концу и чтобы в июле ждали дома. В письме, отправленном в первый день войны, солдат писал, что застава вступила в бой. Это оказалось последним письмом брата.

Воспитанником нашего дома был Елеусиз Шайкенов, заканчивавший десятилетку в этот грозный год войны. Его призвали в армию со школьной скамьи. Помню, как в вечерние часы родители, захватив гостинцы, уходили к казармам, располагавшимся на углу улиц Карла Маркса и Комсомольской в бывшем общежитии Педагогического института и встречали молодых солдат, возвращавшихся с учений, угощали домашней едой. Мама вернувшись после короткого свидания с Елеусизом, тиха плакала и причитала:

— Боже мой, совсем молодые эти солдаты. Какую беду несет война людям, каково матерям провожать на смерть своих детей!

Во время одного свидания Елеусиз сказал, что завтра в 6 часов утра их часть уезжает.

Проводить его мы не успели. Ребят отправили ночью.

В конце 1941 года мы получили первое и последнее письмо, где молодой боец писал, что завтра идет в бой...

Розыск Елеусиза по адресу его полевой почты не дал результатов, ответа не было. Лишь в самом начале 1942 года пришло письмо от близкого друга молодого фронтовика с сообщением, что он вынес тяжело раненного Елеусиза с поля боя в медсанбат и о его дальнейшей судьбе не знает. И нам до сегодняшних дней ничего не известно о человеке, вставшем на боевую вахту.

Все мы тяжело переживали данное сообщение и наше подавленное состояние отразилось в стихотворении Сабита Муканова "Елеусиз".

Неужели письмо это – правда?
Неужели не лгут глаза?
Неужели ушел без возврата
Тот, кто жил еще месяц назад?
Обнимал...Говорил...И смеялся
Догонял по перрону вагон...
И представить себе не пытался
Смертоносный военный огонь,
Пишут – ранен,
А больше – ни слова.
Койка?
Муки последних минут?
И под холмиком в честь рядового
Прогремел троекратный салют?
Нет, не верю!
Пусть изувечен,
Только жив, обязательно жив!
Будь же, доктор, хоть ты человекен:
Помоги мне, о нем сообщить!

Не вернулся с фронта и другой воспитанник нашего дома Каби Садвакасов.

Нельзя без волнения читать письма фронтовиков, сохранившиеся в архиве Сабита Муканова. Некоторые из них были опубликованы в вышедшем в свет 1975 году сборнике писем воинов-казахстанцев "Фронтовой привет тебе Казахстан!" Читая эти бессмертные строки лишний раз убеждаешься в великой силе слова писателей, воспитавших мужественных бойцов, идущих на смерть за свободу родного народа и счастье своего Отечества.

Вот строки из письма защитников Ленинграда казахским поэтам, начинающееся с обращения к Сабиту Муканову:

"Мы защищаем Родину, город Ленина, его великое прошлое. Нанося мощные удары по врагу, мы с каждым днем все больше тесним его от твердынь Ленинграда. Когда мы читаем бойцам вашу "Балладу о вечном городе" и разъясняем его политическую суть, сердца наполняются верой в победу, новой решимостью беспощадно бить врага".

Весной 1942 года Казахстанцы собрали и отправили героям -ленинградцам 1428 тонн продовольствия. В числе делегатов, сопровождающих эшелоны, был Сабит Муканов.

О воспитательной роли призывов С. Муканова говорит письмо лейтенанта Ш. Байгужина в редакцию журнала, в котором он просит прислать на фронт роман Сабита Муканова "Загадочное знамя".

В перерыве между боями зенитчик-артиллерист О. Асылбаев пишет: "Уважаемый Саке! Салем вам от младшего брата Орынбая с Западного фронта. Салем также вашей семье. Я люблю вас больше, чем родного брата. Именно вы озарили мои чувства солнечными лу-

чами. Я, наверно, принадлежу к тем, кто прочитал все ваши произведения. Вы познакомили меня с людьми, которых я раньше не знал и о которых даже и не слышал..." Далее солдат описывает бои на Западном фронте, говорит о героизме бойцов и заключает: "Саке! Если надо, я отдам жизнь за свободу родного народа".

Письма шли к писателю со всех фронтов и он отвечал фронтовым братьям. Читая письмо поэта-фронтовика Леонида Макеева жене, написанное среди "огненного вала", когда "...заря не угасает всю ночь" то понимаешь сердце солдата, ждущего весточки от родных и близких. В конце письма Л. Макеев пишет:

"....наш алма-атинец получил письмо от казахского писателя Сабита Муканова и мы с радостью говорили об этом".

Из всех приемных сыновей родителей, ушедших на фронт из нашего дома, вернулся только один, — это Малик Габдуллин, проявивший героизм на фронте и удостоенный высокого звания Героя Советского Союза, многих боевых наград, подвиги которого Б. Полевой сравнил с рождением героического народного эпоса.

В архиве Сабита Муканова сохранились воспоминания о Малике Габдуллине, вышедшие отдельной брошюрой на казахском языке после кончины писателя. Эти записи дают представление о формировании личности героя. Вот некоторые сведения из них.

Впервые Сабит Муканов встретился с Маликом летом 1930 года, когда по поручению Акмолинского губкома партии писатель выехал в село Боровое Кокчетавского уезда по

делам коллективизации. Писатель хорошо знал эти места, работая еще в 1921 году председателем ревкома Кокчетавской волости. В доме боевого друга тех памятных лет он и остановился.

Утром хозяйка дома сказала уполномоченному губкома, что его спрашивает какой-то мальчик. Вошел подросток лет четырнадцати и представился:

– Малик Габдуллин, вожатый пионерского отряда.

От имени коллектива всей школы просил писателя провести литературный вечер.

Встреча с аульной молодежью была интересной и Сабиту Муканову очень понравился Малик – эрудированный и скромный школьник.

"Я полюбил его как сына, как младшего брата", – вспоминает Сабит Муканов.

Побывав в колхозах волости и выполнив поручения губкома партии Сабит Муканов вернулся в с. Боровое и забрал с собой Малика, успешно закончившего семилетку.

В то время Сабит Муканов был редактором газеты "Кеңес ауылы" – органа губкома партии. В июне 1930 года по вызову Крайкома партии он выехал с семьей, членом которой стал Малик, в Алма-Ату.

В Алма-Ате наша семья прожила некоторое время в комнате, которую любезно предоставил в своей квартире Сакен Сейфуллин. Вскоре отцу предстояло выехать в Москву на учебу. Нужно было определить куда-то Малика и с помощью Сакена Сейфуллина он был принят на двухгодичные курсы Казахского педагогического института.

За время учебы в Москве папа не виделся с Маликом, усердно занимаясь в библиотеках и аудиториях, видимо, не смог с ним вести переписку.

После окончания учебы отца, в 1935 году наша семья вернулась в Алма-Ату и первым здесь нас встретил Малик, закончивший к этому времени институт и собиравшийся поступить в аспирантуру.

Директор института С. Толыбеков попросил отца быть научным руководителем молодого аспиранта, на что он с радостью согласился. Тема диссертации Малика Габдуллина – "Казахский героический эпос" – была интересна и близка Сабиту Муканову. Он сам в течении ряда лет собирал образцы народного эпоса и многие страницы древних сказаний знал наизусть. В те же годы писатель начал работу над "Очерками по истории казахской литературы XVIII-XIX вв.", которые были впоследствии опубликованы и послужили пособием для студентов.

Летом 1936 года отец отдыхал и работал на даче, которая утопала среди хвойного леса на том месте, где сейчас находится знаменитый каток Медеу. И к нему из города изо дня в день приходил на консультацию аспирант Малик, принося с собой увесистую связку книг и тетрадей.

Ровно через три года Малик Габдуллин был призван в ряды Красной Армии. После возвращения из армии в конце 1940 года он был назначен заведующим отделом в Институте литературы Казахского филиала Академии наук СССР и готовился к защите диссертации.

Я хорошо помню Малика в эти годы. Красивый, стройный юноша, с внешним обаянием

добротного человека, он обладал веселым нравом и всегда подтрунивал над нами, мальчишками.

Бывало, усадит меня на колени, возьмет спичечную коробку и говорит показывая на нее:

— Читай!

— Победа, — читаю я этикетку.

Малик, прикрыв пальцем заглавную букву, говорит:

— Без чего мы остались?

— Обеда, — читаю внимательно оставшиеся слоги.

Прикрыв пальцем следующую букву, он спрашивает:

— Что у нас дома?

— Беда, отвечаю ему.

— Что на столе? — прикрывает следующую букву.

— Еда.

— Девушку любишь? — спрашивает Малик, завершая словесную шараду, когда на коробке остается один слог "да".

Я молчу, ерзаю, Малик смеется, не отпускает, и зная, что мне не вырваться, киваю утвердительно и выдавливаю из себя:

— Да.

Тут проделкам парня взрослого нет конца: он стыдит меня, бесконечно мнет, ерошит волосы и, доводя до слез, отпускает и то благодаря шутливому окрику мамы:

— Оставь его, Малик, что пристал к мальчику!

Друг почти ежедневно заходил к нам, веселясь по-ребячески, но чаще всего уединялся с отцом, где они увлеченно занимались наукой.

Наступил июнь 1941 года, война... Занятый

работой в военкомате Малик стал заходить реже и в один из летних дней, 27 июля, побыв немного дома отправился в распоряжение сформировавшейся дивизии генерала Панфилова.

18 августа Малик попрощался с нами перед отправкой на фронт.

— Хоть не родился в этом доме, — сказал Малик, — но он стал мне кровным. Перед грозной и дальней дорогой пришел попробовать хлеб-соль родного дома и получить ваше благословение.

Уходя на фронт, Малик взял со стола горсть курта — сушеного творога и, как потом писал с фронта, разделил маленькие кусочки бойцами на Бородинском поле, где его часть приняла первый бой.

316-я стрелковая дивизия участвовала в героической обороне Москвы. Храбро сражались солдаты дивизии, и в первых рядах ее был Малик Габдуллин. За героизм, проявленный бойцами в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, дивизия была переименована в 8-ю гвардейскую.

Удостоенный высокого звания Героя Советского Союза Малик Габдуллин приехал на побывку с фронта 18 августа 1943 года. Около Дома правительства — здесь ныне располагается главный корпус Казахского университета, — собрались близкие и знакомые героя, представители власти. На правительственных машинах все направились в аэропорт встречать Малика, прилетавшего из Кокшетау.

Прибыв в аэропорт, узнаем что самолет уже сел, и Малик с семьей находится в здании аэропорта. Встречающие, буквально ворвав-

шись в комнату начальника аэропорта, крепко обнимали героя.

В те дни "Казахстанская правда", в корреспонденции о встрече героя писала: "Малика Габдуллина крепко, по-отечески обнимал его названный отец Сабит Муканов".

Меня Малик приподнял, крепко обнял и спросил, как себя чувствует мама, братья и сестра Баян.

Вместе с Маликом приехали его отец, жена и дочка.

Машины направились в Дом отдыха, где в родственной обстановке прошел банкет, устроенный правительством республики в честь героя.

Предполагалось, что Малик с семьей останется на даче, однако он сказал организаторам отдыха:

– Мой воспитатель – отец Саке, т.е. Сабит Муканов. Уходя на фронт, я получил благословение и испробовал хлеб-соль в его доме. Вернувшись с фронта целым и невредимым, считаю своим долгом жить в этом доме.

Малик пробыл в Алма-Ате неделю, из нее – четыре дня в нашем доме. Мы редко видели его, боевой солдат часто выступал на собраниях, встречался с тружениками тыла. Везде его встречали с радостью.

Помню многочисленный митинг в парке имени 28 гвардейцев-панфиловцев, где Габдуллин рассказывал о своих боевых товарищах, о ратных подвигах.

Только один день отдохнул от души. На даче в тот день вместе с ним были его жена, дочь Майдан и я. Габдулла ага, отец Малика, предпочел все дни жить в доме Сабита Муканова.

Мы долго бродили по предгорным садам, а затем спустились к бурлящему белому потоку горной Алматинки. Вдоль берега, по каменным валунам и березовым рощам, мы прошагали километра четыре, от Дубовой рощи до небольшой гидроэлектростанции, которая ныне является экспериментальным объектам Института энергетики Национальный Академии наук. Во время похода солдат много рассказывал о своей фронтовой жизни. Только к вечеру вернулись на дачу.

Оставив меня с Майдан, супруги уехали в город. Не дожидаясь их возвращения, мы уснули.

Утром меня разбудил тихий напевный голос Малика:

— Коля, Коля, Николай

Сиди дома не гуляй... — пел популярную песню, теребил меня за ухо, давая рукой знак на подъем. Я быстро вскочил, захватив полотенце, мы спустились к Алма-Атинке и искупались в прозрачной холодной воде. Вернулись на дачу, позавтракали и возвратились в город, в отчий дом. На следующий день после полуночи Малик уезжал на фронт.

Во время краткой недельной побывки Малик и отец толком так и не поговорили. Дни Малика были заняты встречами с коллективами промышленных предприятий, выездами в колхоз и т.д.

В канун отъезда Малика за столом собрался узкий круг: семья Малика и наша. Никто не ложился спать. Время подошло к 3 часам ночи и солдату надо было уезжать. Он горячо, по-братски обнял нас, детей, весело сказал нам одну из своих прибауток. Старшие поехали его провожать...

В начале 1944 года по вызову редакции "Правды" Сабит Муканов выезжает в Москву. Пропуск №82 885 на временное проживание в Москве с 17 января по 1 марта 1944 года сохранился в архиве писателя.

По заданию редакции Сабит Муканов направляется в качестве корреспондента газеты в части 2-го Прибалтийского фронта сроком с 22 марта по 8 мая 1944г.

Судя по первой записи во фронтовой тетради, Сабит Муканов прибыл в расположение 100-ой бригады 3-й ударной армии, занимавшей позиции у деревни Леоново Невельского района Калининской области, 30 марта 1944 года.

В своих мемуарах "Годы суровых испытаний 1941-1944" генерал армии К. Н. Галицкий рассказывает о славном пути 3-й ударной армии во время своего пребывания на посту командующего, и среди других отмечает героические подвиги казахстанских воинов. Отдельные страницы воспоминаний командарма посвящены военному таланту майора Бауржана Момыш-улы – командира 19 гвардейского стрелкового полка панфиловской дивизии, бывшей в составе 2-го гвардейского корпуса генерала И. М. Чистякова. К. Н. Галицкий отмечает мужество и мастерство снайперов Ибрагима Сулейменова и Ахмета Джумагулова, героические подвиги 100-й стрелковой бригады, в составе которой было много казахов – рядовых и офицеров, в которой заместителем по политчасти был подполковник С. Баишев, ныне один из крупнейших ученых Академии наук Казахстана. Особо отмечает генерал на страницах своих мемуаров подвиг Маншук Маметовой.

Сабита Муканова интересовали подвиги казахстанцев и он прибыл в штаб генерала Галицкого, непосредственно осуществлявшего руководство вошедшей в историю Невельской операции.

В архиве писателя сохранилась увесистая папка фронтовых записей, фотографий, военных карт, листовок и т.д., по которым можно судить о времени и людях той поры.

В штабе армии Сабит Муканов беседовал с командующим армией генерал-майором К. Н. Галицким и его адъютантом В. И. Кочергиным. Писатель рассказал генералу о Малике Габдуллине и просил устроить встречу с ним, на что получил согласие.

Страницы фронтовой тетради писателя содержат интересные сведения, записанные во время бесед, о боевом пути 3-й ударной армии, о ее командующем, бойцах и командирах.

В штабе армии Сабит Муканов встретил майора А. Закарина, ныне профессора КазГУ. До этого дня они знали друг-друга понаслышке, но земляки, встретившись во фронтовой обстановке, по братски обнялись. Майор многое рассказал из фронтовой жизни, особенно о подвиге Маншук Маметовой.

После беседы они побывали на братской могиле, в которой похоронены Маншук Маметова и другие воины, павшие за освобождение города.

Во фронтовой папке Сабита Муканова хранится "Постановление Исполнительного Комитета Невельского Совета депутатов трудящихся" за №1 от 1 ноября 1943 года. В нем говорится: "В боях за освобождение старей-

шего русского города Невель от ига немецко-фашистских захватчиков, проявив героизм и отвагу, до конца выполнив долг перед Родиной, смертью героев пали славные сыны и дочери Советского народа...

Для Увековечения памяти славных героев, переименовать в их честь: ...Улицу Приамурскую – в улицу пулеметчицы Маншук Маметовой".

Бессмертный подвиг Маншук Маметовой был достойно отмечен Президиумом Верховного Совета СССР – ей первой среди женщин Востока было присвоено звание Героя Советского Союза.

В тетради писателя много записей о боевых действиях партизан бригады Василия Георгиевича Семина, отряда Картенкова, не дававших покоя фашистам ни днем, ни ночью. Вот несколько фактов из действий народных мстителей: в феврале 1942 года отряд Картенкова уничтожил в селе "Большая гутица" 76 немецких солдат и офицеров, в селе "Красный двор" – 13, в селе "Комша" – 136 захватчиков.

Земля горела под ногами оккупантов. На улицах Невеля были расклеены афиши немецкой комендатуры, в которой за выдачу Картенкова обещали дачу, несколько гектаров земли, 25000 марок, мотоцикл, скот. Но партизаны были неуловимы и не нашлось ни одного предателя, который бы выдал их, хотя Картенков иногда лично сам приходил в город по делам отряда. Афиши висели, а число убитых фашистов и поврежденной техники увеличивалось изо дня в день.

В записях писателя имеются сведения о немецких дивизиях, действовавших в районе Невеля, условные обозначения их наимено-

ваний (например, 81-я пехотная дивизия – “Вероника”).

Радостной была встреча наставника с Маликом Габдулиным. Позднее Малик часто вспоминал приезд отца в расположение воинской части. Имея боевой опыт, фронтовик как мог оберегал отца от вражеских снайперских пуль. Тем более генерал Галицкий категорически запретил писателю появляться в полосе боевых линий и специально наказал Малику Габдуллину умерить боевой пыл смелого человека. Такое запрещение для не обстрелянных людей было введено генералом после трагической гибели известного писателя В. П. Ставского. Об этом поведал генерал Сабиту Муканову, когда последний попросил разрешения побывать на переднем крае, на то получил решительный отказ. Владимира Петровича Ставского – автора широко известного “Разбега” хорошо знал отец и очень сожалел о гибели коллеги. “Разбег” Ставского с дарственной надписью ныне хранится в библиотеке Дома-музея Сабита Муканова.

Однажды Малик все же решился повести его на высоту 164,5 юго-западнее села Плеханова, недавно освобожденную от фашистов. В тетради писателя есть запись допроса пленного офицера немецкой армии, участника военных компаний в Польше и Франции.

Но основным собеседником тех военных фронтовых дней был Малик Габдуллин, много поведавший о боевых товарищах, о своем участии в различных сражениях.

Когда смотришь на графичекую схему расположения советских и немецких частей во

время одного боя, сделанную рукой гвардии майора Малика Габдуллина, то зримо представляешь себе, какой жаркой и ожесточенной была решительная схватка. Этот бесценный документ как реликвия военных лет, как отражение бессмертного подвига храбрых солдат, среди которых был Малик Габдуллин, хранится в архиве Сабита Муканова. Много интересного записал со слов героя кровавых сражений тогда писатель.

Тогда окружающие почувствовали красоту дружбы этих двух известных людей и задумались над природой той особой настроенности души, которая бросила одного на вражескую амбразуру, а другого – духовного отца отправиться на фронт в поисках сына. Ведь освободительная война – это не только смерть, кровь и страдания. Это еще гигантские взлеты человеческого духа – бескорыстия, самоотверженности, героизма.

Судьба Малика Габдуллина, миллионов таких, как он неотрывна от судеб родной страны и более того – от судеб мира, которые он изменил своим подвигом.

"Победил весь народ сверху донизу, от маршала Сталина до рядовых тружеников и простых бойцов (на войне – это главные герои), – писал в те годы Борис Пастернак, – победил весь народ, всеми своими слоями и радостями, и мечтами, и мыслями..."

В послевоенные годы солдат снял пропахшую шинель и, засучив рукава, занялся любимым делом, прерванным войной, – научной работой.

Кандидат, затем доктор филологических наук, профессор – таков послевоенный путь

Малика Габдуллина. Он не был замкнутым кабинетным ученым. Свои научные достижения и открытия он нес в широкие массы, выступая с лекциями будь то в студенческой аудитории или же с трибун научных совещаний.

Заслуженно признали научно-педагогические заслуги ученого, избрав его действительным членом Академии педагогических наук СССР.

Герой Советского Союза, депутат Верховного Совета СССР, доктор наук, академик — все эти заслуженно полученные звания и должности никогда не вызывали в нем признаков кичливости или зазнайства.

И будучи таким знаменитым и заслуженным, оставался простым и сердечным человеком. Его обаяние и душевность запомнилась многим, кому посчастливилось общаться, беседовать с педогогом, наставником. Как человек большого ума и высокого интеллекта, он не стремился к чинам, не выносил шумихи и славословия. Был очень общительным, готовым прийти на помощь и выручку, старался особенно приласкать и приветить молодых. За это его ученики и последователи сильно любили и глубоко уважали.

Все эти качества Малика Габдуллина не могли не заинтересовать Сабита Муканова и в те фронтовые дни 1944 года и позднее он собирал материалы из его жизни.

На совещании в штабе командующего фронтом генерала И. Х. Баграмяна, где присутствовал Сабит Муканов, произошла интересная встреча, о которой говорится в фронтовой тетради писателя.

В облике одного из присутствующих на совещании было что-то знакомое. Однако он никак не мог вспомнить, где же его видел.

"Может быть, — думал писатель, — этот человек из далеких двадцатых годов?"

После совещания Сабит Муканов поздравился с полковником и высказал свои догадки. Точно! Сергей Алексеевич Князьков и Сабит Муканов в грозном 1921 году в период подавления кулацкого мятежа в Северном Казахстане, были в одном отряде ЧОНа — частей особого назначения. Писатель и полковник крепко, по-братски обнялись. К сожалению, долго беседовать не смогли, военного куда-то вызвали, но эта встреча навсегда осталась в памяти писателя и отец часто рассказывал о ней.

Полковник С. А. Князьков упоминается в мемуарах К. Н. Галицкого, как доблестный командир 28-й стрелковой дивизии, а в период завершения Невельской операции командовал группой, уже в должности заместителя командира.

В архиве писателя хранится фотография, снятая 4 апреля 1944 года в деревне Игнатов Невельского района. На снимке запечатлены Сабит Муканов и три боевых офицера.

В книге московских ученых есть подобный снимок, взятый в другом ракурсе, где указана фамилия одного писателя. Архив Сабита Муканова помог восстановить, кроме известных мне Малика Габдуллина и Хакима Бегишева, фамилию четвертого — Конкарбая Махамбетова.

Во фронтовой тетради писателя имеются такие сведения о 101-й отдельной стрелковой

бригаде. Здесь писатель встретил своего земляка, хорошего знакомого по довоенному времени, кадрового офицера Х. Бегишева – одного из героев будущей трилогии "Школы жизни", ныне работающего директором Дома-музея Сабита Муканова. Записки бесед с Х. Бегишевым содержат много интересных сведений о боевых делах воинов стрелковой бригады.

Срок командировки заканчивался, и в конце апреля Сабит Муканов прибыл в штаб 3-й ударной армии, чтобы поблагодарить командующего армией генерала К. Н. Галицкого и работников штаба за организацию поездок и встреч.

На прощание командующий снабдил писателя справочным материалом "Невельская операция" и "Картой Генерального штаба РККА, Калининской области", подарил свою фотографию, которые и поныне хранятся в архиве писателя.

Собранные материалы и фронтовые впечатления подсказали писателю необходимость создания романа о войне, в котором через образы Малика Габдуллина и его боевых товарищей он хотел отобразить героический подвиг мужественных людей. И он начинает работать над романом "Восхождение" ("Өрлеу").

Однако ждут его и другие дела. В казахской литературе первых послевоенных лет не был достаточно широко отражен подвиг тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны. Поэтому Сабит Муканов, всегда откликавшийся на злободневные проблемы вре-

мени, оставил незавершенным задуманный роман и целиком посвятил себя работе над темой о трудовом подвиге казахстанцев в годы войны. Главное в книге – труд народа, направленный на использование природных богатств и сил для своего блага. Важность темы романа и правдивость его образов были высоко оценены многими писателями и критиками. Как отметил А. Фадеев, "...роман можно считать большой удачей Муканова".

В последующие годы Сабит Муканов, занятый другими планами, так и не вернулся к работе над "Восхождением". И только через несколько дней после похорон Малика Габдуллина в начале 1973 года, я застал отца, листаящим страницы незаконченного труда.

– Дорогой мой Малик, – говорил он, – смогу ли я закончить этот роман, как должную память о тебе? Как много планов сваливается на старческую голову! Что это – закономерность в предверии уходящей жизни? Если хватит сил, обязательно вернусь к этой рукописи. А пока хочу написать воспоминания.

Воспоминания о Малике были написаны и опубликованы. Завершить же роман "Восхождение" не удалось, писатель ненамного пережил своего приемного сына...

Сохранившиеся фронтовые традиции писателя станут интересным материалом для будущих биографов и исследователей жизни и творчества Сабита Муканова.

Война для писателя – это суровая школа жизни, испытание всех духовных сил человека, проверка жизненности на прочность.

О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ

Большое место в библиотеке Сабит Муканова занимают книги казахских писателей. Авторы некоторых книг – его ровесники, такие как Мухтар Ауэзов, Габит Мусрепов, Габиден Мустафин. Другие – писатели младшего поколения, которые считали Сабита Муканова старшим собратом по перу.

Сабит Муканов преклонялся перед талантом Абдильды Тажибаева и питал братские чувства к этому доброму человеку и большому поэту. Его покорила поэзия Сырбая Мауленова, и он по-отечески относился к автору прекрасных стихов. Чувства истинного друга проверяются в большой беде, и я уверенно могу сказать, что сыновняя любовь Сырбая Мауленова к нашему отцу, его дружба с семьей Муканова остались неизменными после смерти ее главы.

Многие писатели оставили знаменитый след в жизни Сабита Муканова, и он, в свою очередь, некоторым оказал братскую помощь, а другим отцовскую поддержку в творческой и личной жизни.

Завидные, кристально чистые отношения существовали между Сабитом Мукановым и Таиром Жароковым, видным казахским поэтом, который не устает любить жизнь, раз за разом воспекает и прославляет ее. В послесловии к сборнику "Стихотворения и поэмы Таира Жарокова" отец вспоминает о начале двадцатых годов, когда он впервые познакомился в Оренбурге с молодым студентом подготовительных курсов Казахского института просвещения.

"...На Советской улице был большой красивый сад. Сюда часто заходили отдохнуть студенты. Здесь они с увлечением говорили об экзаменах, о прочитанных книгах, делились новостями, полученными из родных аулов, пели любимые народные песни.

Особенно нас привлекало пение одного юноши, почти подростка. У него был чистый, высокий голос; пел он задумчиво, целиком отдаваясь власти красивых мелодий.

— Откуда ты? Как тебя зовут? — спросил однажды юношу.

— Я из Урдинского района, из местечка Жетибай, что рядом с Царицыном. А зовут меня Таир.

На этих встречах мы слушали не только хорошие песни Таира, но и читали его первые стихи, правда, еще не совсем гладкие, но взволнованные и ясно отображающие жизнь".

Вся жизнь поэта прошла на глазах отца. Он всегда разделял его заботы и тревожения, всецело посвящая душевные силы. Многие годы продолжалась их творческая и человеческая дружба.

Сабит Муканов внимательно следил за творчеством одаренного поэта, был критиком многих его произведений перед тем, как они увидели свет. Они часто уединялись в кабинете отца, и мы слышали могучий голос Таира-ага, читающего свои стихи.

Каждый раз часами длилась душевная беседа о жизни, о литературе, о прошлом и настоящем, о заботах и тревогах, которых в жизни всегда предостаточно.

В стихотворении посвященном Т. Жаркову, Сабит Муканов образно сравнивает сти-

хи поэта с яркими звездами, запыхавшимися на небосклоне и желает его таланту вознестись выше солнца.

Таир-ага был таким человеком, который всеми своими поступками доказывал верность дружбе и данному слову. В трудные минуты он мог подставить плечо, помогая пережить сложный момент. На протяжении многих лет дружба Сабита Муканова и Таира Жарокова ничем не омрачалась, в трудные дни они поддерживали друг друга и были вместе. Эту дружбу, как наивысший эталон взаимоотношений между людьми, часто вспоминают в семье Мукановых.

Сабит Муканов был очень чутким и отзывчивым к бедам каждого кто к нему обращался.

Помню, как однажды в годы войны пришла к нам супруга писателя фронтовика Калмакана Абдыкадырова и со слезами на глазах поведала о тяжелом положении семьи. Трудное это было время, многие семьи испытывали нужду. Помощи ждать неоткуда, и мои родители выделили семье фронтовика часть военного пайка Сабита Муканова, которая ценилась тогда на вес золота, в течение всех военных лет поддерживали бедствующую семью.

Со многими сталкивала Сабита Муканова судьба в его творческой и личной жизни.

Мне хочется коснуться вопроса о взаимоотношениях Сабита Муканова и Мухтара Ауэзова, чтобы развеять некоторые криво толки, бытовавшие при жизни и существующие после смерти этих людей.

Как известно, нет литературы без критики. Где литература, там и критика. Удостоенные

похвал писатели смотрят на нее с благодарностью, обойденные ее благосклонностью ругают ее, обижаются. Любой писатель прежде всего индивидуум, которому присущи все человеческие слабости. История помнит случай непризнания одним талантом другого. Например, Толстой не понимал Шекспира, Мопассана раздражал вид Эйфелевой башни... В памяти старшего поколения сохранились взаимные едкие эпиграммы Владимира Маяковского и Демьяна Бедного, произнести которые человеку воспитанному просто невозможно.

К большому счастью, такие мрачные картины не наблюдались во взаимоотношениях Сабита Муканова и Мухтара Ауэзова.

Как ценил Сабит Муканов талант Мухтара Ауэзова? Очень высоко! В стихотворении, посвященном Мухтару Ауэзову, Сабит Муканов обращается к нему как к старшему брату по перу, сравнивает его творчество с яркими цветами, а талант – вышиной и силой слона. В конце стихотворения поэт восклицает, обращаясь к Ауэзову:

“Какое счастье жить с тобою рядом!”

30 января 1946 года общественность Алматы отметила 25 летие творческой деятельности писателя Сабита Муканова. После творческого вечера, прошедшего в переполненном зале театра оперы и балета им. Абая, в нашем доме собрались писатели, деятели искусства и близкие. Отец на непродолжительное время оставил дружеское застолье и удалился к себе в кабинет. Вернувшись, он попросил немного внимания, сказав:

– Я хочу прочитать стихи, посвященные Мухтару!

Воцарилась тишина, к отцу подошел Гали Орманов. Отец начал читать. Каждый абзац стихотворения прерывался шумным одобрением, а Г. Орманов, большой мастер поэзии, обнимал отца, подбадривая его. Такова история этого посвящения.

Сабит Муканов говорил многим начинающим писателям следующее:

– Если хотите знать в совершенстве казахский литературный язык, то читайте Мухтара Ауэзова.

М. Ауэзов также высоко ценил талант Сабита Муканова, о чем неоднократно писал в своих статьях.

Алексей Брагин вспоминает один день из жизни Сабита Муканова: "В этот вечер Сабит рассказывал о своей верховой поездке с женой и Мухтаром Ауэзовым – туда, за Мохнатую сопку. Рассказывал с теплом и юмором, вспоминал и масти коней, и дорожные приключения, и встречу со стариком-чабаном.

– Мы, ведь, не только ссорились с Мухтаром, мы и дружили. Рядом шли наши жизни.

Я вспомнил, что на праздновании шестидесятилетия Мухтара Ауэзова докладчиком о его жизни и творчестве был Сабит Муканов".

В этой связи мне хочется рассказать об одной беседе с Мухтаром-ага, имевшей место в Москве в октябре 1950 года.

После окончания лекций я зашел в книжный магазин Литфонда СССР что на Кузнецком мосту. Там же на втором этаже находится книжная палата писателей. Вход всем, кроме писателей, воспрещен, но мы студенты

иногда незаметно проникали в эту запретную зону. Здесь можно было купить интересную книгу, давно распроданную или же редкого издания. Впрочем, я бесшумно поднялся по лестнице и направился к стелажам.

Рассматривая книгу, я услышал голос, обращенный ко мне:

— И ты сюда ходишь, Маратик?

Это был Мухтар Ауэзов. Я поздоровался и, чувствуя неловкость за вторжение в обитель писателей, хотел улизнуть. Мухтар-ага остановил меня, затем купил книгу, и мы вышли на узкий тротуар Кузнецкого моста.

Стояла осенняя изморозь, крупинки мокрого снега покрыли тротуар. Мы шли к центру Москвы по наклону Кузнецкого моста, было скользко, и я поддерживал Мухтара-ага. Он расспрашивал о моих лекциях, о профессорах, интересовался нашей студенческой жизнью.

Когда миновали Большой театр, Мухтар-ага спросил:

— У тебя закончились лекции? Ты обедал?

На мой утвердительный ответ он шутливо заметил:

— Если сыт, то ты плохой студент. Настоящий студент должен жить впроголодь, сбегать с лекций, недосыпать, так как вчера много танцевал и гулял с девушкой...

Разговаривая, мы подошли к гостинице "Гранд-отель", где остановился Мухтар-ага. Он пригласил меня к себе и, видя мое смущение и нерешительность, легонько втолкнул в дверь-вертушку.

Мухтар-ага занимал номер-люкс. Как сейчас помню, в первой комнате в углу стоял

белый рояль, на ней ваза с фруктами, увенчанная гроздью винограда.

За чаем Мухтар-ага много рассказывал, в частности о декаде Азербайджанского искусства и литературы, проходившей в те дни в Москве. В конце беседы я спросил его:

– Дядя Мухтар, почему возникают ссоры между Вами и моим отцом? Иногда меня спрашивают об этом совершенно чужие люди и рассказывают всякие небылицы. Я в ответ пожимаю плечами и отвечаю, что между ними, кажется, все в порядке.

Мухтар-ага немного подумал и ответил примерно следующее:

– Чужие, говоришь интересуются? Им то больше всех надо! Видишь ли, наши отношения с твоим отцом не столь уж сложны, как некоторым кажется со стороны. Многие не могут или не хотят понять, что и Сабит и я в конце концов – люди. Нам присущи людские слабости, и мы с Сабитом во взаимной перепалке, может быть, не всегда бываем объективны. Но это полбеды. Мы с Сабитом “пoderемся”, затем помиримся. У нас иногда бывают расхождения во взглядах. А как же иначе? Ведь каждый из нас мыслящий субъект. Скучно было бы жить по одной мерке. Но главная беда в том, что вокруг наших имен топчутся иногда недобросовестные люди, которые и разжигают нездоровые страсти, к которым, к страстям, ни я, ни Сабит не имеем никакого отношения. А в результате страдаем мы, и Сабит, и я, т.е. становимся без вины виноватые.

В конце беседы он пожелал нашему молодому поколению освободиться от предрассуд-

ков своих отцов и жить полнокровной, радостной жизнью. Как память о встрече и беседе Мухтар-ага подарил мне свой знаменитый "Абай", оставив следующий автограф: "Дорогому Маратику с верой в твое светлое хорошее будущее".

Мухтара Ауэзова и Сабита Муканова объединяло общее дело, они были основоположниками новой казахской литературы, уж слишком ярок и неизгладим след, оставленный ими в литературе и жизни.

Многие казахские писатели считают Сабита Муканова не только своим творческим наставником, но и названным отцом.

У нас дома порою происходили комические сценки. Стучатся в дверь.

— Кто там? — спрашивает нянечка.

— Сын, — отвечает входящий и называет свое имя.

Няня пожимает плечами и впускает пришельца. Через некоторое время снова раздается стук в дверь.

— Кто там?

Вновь входит названный сын. Недоумение няни возрастает. И так бывает несколько раз в день. Ничего не понимающая няня спрашивает:

— Марьям Кожаметовна, сколько у вас детей? Это что, действительно, ваши сыновья?

— Да, — отвечает мама, — Еще не все собрались.

Каждый, для кого Сабит Муканов был наставником по труду и жизни, всегда с теплотой вспоминает дорогого для себя человека.

Мне памятна одна из многих бесед с А. Нурпеисовым о том времени, когда он впервые

впослевоенные годы приехал в Алма-Ату с рукописью своего романа.

"Иду по улицам города, – вспоминает Абдижамиль, – и спрашиваю у встречающих: "Где живет Муканов?" Никто не знает, наконец, один из встречающих посоветовал: "Если это писатель Сабит Муканов, то ищите его в Союзе писателей" и дал адрес организации.

Придя по указанному адресу – в старое здание по ул. Пролетарской, я вошел в неосвещенный полутемный коридор и стою, не зная к кому обратиться. Вдруг открылась дверь, вышел Саке и, увидев меня, спрашивает: "Вы к кому?" Отвечаю, что я участник войны, демобилизовался, привез с собой рукопись романа и хочу проконсультироваться. Внимательно выслушав начинающего писателя, Саке направил меня к Габиту Мусрепову".

"В этом эпизоде проявилась одна из замечательных черт Саке – его демократичность: увидев посетителя, совершенно незнакомого, он первым спросил о причине его прихода в Союз писателей", – заключает свои воспоминания А. Нурпеисов.

Сабит Муканов никогда не был допотопным чиновником, подобно некоторым, от секретарей которых чаще всего слышишь: "Приема нет" или в приемной видишь длинную очередь посетителей. У руководителя творческой организации находилось время для любого человека, который нуждался в помощи.

Мне вспоминается один забавный случай конца пятидесятых годов, когда на квартиру писателя пришел его ровесник сибирского

телосложения: огромного роста, плечо с кривую сажень и окладистой черной бородой. Оказалось, что он из Северного Казахстана и знает Сабита Муканова еще с тех времен, когда он был пастухом в его станице. Отец никак не мог вспомнить его, но вида не подал. Да и сам бывший станичник вряд ли обратил в то время особое внимание на маленького пастушонка. Вернее всего он, прочитав трилогию Сабита Муканова, узнал о существовании известного земляка, и, воспользовавшись удобным случаем, обратился к нему. Так это или не так, но отец не отказал просьбе посетителя – на время решения своих дел в Алма-Ате пожить у него несколько дней.

Участие Сабита Муканова в делах и судьбе, обращавшихся к нему за помощью, осталось в памяти многих людей, и они с теплотой вспоминают писателя-академика, общественного и государственного деятеля. Его творение – стихи и поэмы, пьесы и художественные произведения, – созданные во всех жанрах литературы, как и благовидные дела, вошли в золотой фонд казахской литературы.

ПОСЛЕДНЕЕ. . .

У меня хранятся много фотографий отца, снятых во время совместных поездок по различным городам, а также снимки, запечатлевшие его в быту, в кругу семьи. Эти фотографии, а так же письма, адресованные мне (77 писем и 19 телеграмм), я хрюю особенно бережно. Но одна фотография наиболее мне дорога: это последний снимок отца, сделанный мной.

Июньским днем 1972 года я увидел отца отдыхающим на скамейке возле дома. Рядом с ним был Ханафия Мустафин, пенсионер, давний друг нашей семьи и сосед. Через некоторое время подходит молодой человек в военной форме, и после взаимных приветствий попросил Сабита Муканова поставить автограф на трехтомнике "Школа жизни", что он и сделал. Я запечатлел его в этот момент.

Смотришь на эту фотографию и убеждаешься, что таким остался Сабит Муканов в памяти многих, кто его знал, читал и любил – простым в общении и внимательным к людям.

...22 апреля, полночь. Стрелка времени начинает отсчет последних часов пребывания Сабита Муканова в своем доме, в рабочем кабинете.

Арстан, старший сын писателя, занят делами предстоящего печального дня, остальные – братья и сестры, родные и близкие – по настоятельному принуждению мамы отправились немного отдохнуть. В углу комнаты гремят сверстники отца из его родного аула.

У огра отца сидит мама и я. Мать молчит, отрешенная от всего, вконец придавленная неутешным горем. Прошло четыре дня, как не стало отца, беспрерывно шли люди в некогда гостеприимный дом писателя, чтобы выразить свою скорбь. И наша мама вновь и вновь печально ведала каждому о невозвратной утрате, постигшей нашу семью. Целые четыре дня горестных причитаний! Сердце матери и верной жены выдержало, выстояло в этом горе. Но завтра, вернее уже сегодня 23 апреля, самый тяжелый день за всю историю нашей семьи – похороны отца и ей, хранительнице очага нужно собраться с силами.

– Мама, – шепотом обращаюсь к ней, – иди, приляг. Ведь сегодня очень трудный день.

Она не отвечает уставившись в черный проем окна, погружена в свои горькие думы. Несколько раз обращаюсь к ней, но она сурово молчит. Тогда легонько приподнимаю ее за локти и веду в спальню, смежную с приемной. Мама подвластна моим движениям.

– Как же я лягу, ведь Сабит останется один? – говорит мама.

– Я буду около него.

– Тогда разбуди меня перед рассветом, – просит мать, буквально падая на постель.

Комната, где покоится папа, в полумраке, лишь в углу мерцает слабый свет приглушенного торшера. Тихо, мы с папой одни...

Он лежит, будто прилег отдохнуть после изнурительного дня. Лицо спокойное, без следов агонии.

Вдоль стен книжные шкафы, с полок которых (в последний раз!) смотрят на отца книги многих поколений, составлявшие единый мир с жизнью писателя. Его окружает родная стихия, о которой писал в стихотворении "В моей библиотеке".

"Ночь на исходе. Тихо в нашем доме.
Безлюдна улица. Чуть слышен шум ветвей.
Окно раскрыто. И в его проеме
Распелся звонко ранний соловей.

А в комнате – бойцы. Они одеты
По разному... Гомер и Щипачев...
Историки, философы, поэты
Стоят в строю, сомкнув к плечу плечо.

Посланцы всех времен разноязыки,
Они на полках продолжают жить..."

В доме все также, как было при тебе, дорогой отец: около дивана на полу распласталась шкура алтайского медведя, рядом на журнальном столике высится куча газет, без которых ты не мог обойтись, и в часы отдыха внимательно просматривал их. В углу радиола, на которой любил проигрывать любимые казахские песни и кюи. И только зеркала спальни, смежной с рабочим кабинетом, задрапированы черным крепом, и ты, уснувший вечным сном, покоишься на столе, за которым когда-то принимал грузей.

Близится рассвет. От первых бликов зарождающейся зари появляются серые контуры деревьев, близко подступающих к дому.

Подхожу к маме, еле приоткрываюсь рукой, и она мгновенно открывает глаза. Не спала, бре-

дила, в том забытье сломленного горем человека, когда память воскрешает годы, прожитые с любимым. Она приподнялась, еле встала и направилась в приемную.

– Ну, как Сабит, как спалось? – сказала она каким-то обыденным голосом, будто ничего и не случилось, словно подошла будить мужа и друга после обычного сна.

Подошла к нему, взялась за стенки гроба и, качаясь в такт вводимой ей одной прощальной песне, постояла у изголовья покойного. Я усадил ее на стул, присел рядом, обнял за плечи и прислонился к маме.

Просидели в таком состоянии до рассвета, пока за окном не стали отчетливо видны очертания предметов. Пришли братья, сестры родные. Все стояли, окружив дорогого отца, не зная как утешить постигшее горе.

Последние минуты в доме... Бывают ли страшные муки, чем прощание с дорогим человеком!?

Друзья приподняли изголовье гроба, будто давая Сабиту Муканову возможность проститься, в последний раз с родным домом, любимыми книгами... Последние секунды прощания и гроб с телом Сабита Муканова уносят в театр Оперы и балета им. Абая, чтобы дать возможность проститься с ним тысячам читателей и почитателям его таланта великого писателя.

Обращаясь к многотысячным читателям собравшимся проводить писателя в последний путь, Габит Махмудович Мусрепов сказал: "Сабит оставил после себя километры строк. Но каких строк! В каждом слове сгусток мысли и мудрости!"

В некрологе, подписанном членами правительства, товарищами и друзьями, говорилось: "Многолетняя активная творческая жизнь Сабита Муканова являет собой достойный прием честного, беззаветного служения народу".

Слова прощания прислали Николай Тихонов и Аалы Токомбаев, Леонид Леонов и Камил Яшен, Константин Федин и Чингиз Айтматов и многие другие братья по перу.

В газетах и журналах в первые скорбные недели изо дня в день публиковали прощальные телеграммы, письма грузей и многочисленных поклонников таланта писателя.

Нескончаемый поток людей шел мимо праха писателя, которого народ считал своим верным и достойным сыном.

Минуло много лет со дня смерти Сабита Муканова, но благодарные читатели продолжают приходить в дом Марьям Кожамметовны почтить его память. Как-то приехали известные писатели: Берды Кербабоев, Мирзо Турсунзаде и Мустай Карим. Берды Кербабоев нежно обнял причитающую Марьям Кожамметовну, свою названную сестру, расстроганно и тепло вспомнил друга и успокоил маму.

Погруженные в свои мысли, грузья писателя молча стояли в кабинете Сабита Муканова. Затем Турсунзаде сказал:

– Нет, Сабит не умер. Мне кажется, что он вот-вот войдет в кабинет с доброй, памятной всем, улыбкой... Где бы ни был Сабит, вокруг него всегда собиралась толпа, раздавался смех...

И грузья вспоминали многое из жизни, как судьба сводила их с Сабитом.

Однажды утром моя сестра Баян открыла дверь посетителю, в котором узнала Расула Гамзатова. Выдающийся поэт нашего времени молча постоял в кабинете, будто вновь побывал вместе с Сабитом Мукановым, и сказал много теплых слов о современнике. Горец преклоняется перед талантом степного самородка, и его память о Сабите Муканове дорога нашей семье.

Потеря мастера слова, обогатившего литературный арсенал, особенно осязаема после его смерти. У отца было много друзей, и их письма, идущие после его смерти, напоминают еще раз о его человечности, искренности и любви к своему народу.

Вот что мне писал старейший русский поэт Всеволод Александрович Рождественский, посвятивший свое стихотворение памяти Сабита Муканова: "Мне приятно оставить хотя бы малый след моего дружества с Вашим отцом, которому я многим обязан в своем понимании народной души Казахстана".

Ю. Домбровский в одном из своих рассказов поведал читателям о том, что "С. Муканов – человек удивительно поработавший над самим собой. И, познавая его почти нечеловеческий труд испытываешь еще большее уважение к этому гражданину мира из казахских степей".

Многие страницы автобиографической повести крупнейшего башкирского писателя Сайфи Кудаша посвящены Сабиту Муканову.

"Встреча в казахстанских степях с близким другом, одной из центральных фигур казахской литературы, академиком Сабитом Мукановым

была для меня величайшей радостью". По словам Сайфи Кудаша, кипучая творческая энергия и повседневное участие Сабиита Муканова в общественной и государственной жизни стало образцом для подражания для многих.

Накануне 30-летия победы в Великой Отечественной войне с воспоминаниями и о дружбе Сабитом Мукановым, возникшим в эти суровые годы, выступил литовский писатель Иокубас Склютаускас в радиопередачах.

Известный туркменский писатель Берды Кербабаяев сыновьям казахского народа посвятил стихи, не ограничившись смиренной прозой:

"Друзья мои, Сабит, Мухтар, Сатбай!
К вам солнце славы лик свой повернуло".

Иокубас Склютаускас на страницах литовской литературной газеты пишет о творчестве и жизни Сабиита Муканова, в Киеве организуют выставку произведений писателя, в Минске издан сборник "Песнь о книге", где, начиная с древнейших времен до наших дней, поэты говорят об этом величайшем изобретении и роли книги в истории человеческой культуры. На этой своеобразной летописи есть строки Сабиита Муканова.

Добрым словом вспоминают Сабиита Муканова его друзья: Бауржан Момыш-улы, Мухамеджан Каратаев, каракалпакский акын Жолмырза Аймурзаев, А.Тажибаяев в своих мемуарах и многие другие.

Аскар Токмагамбетов посвятил памяти друга поэтическое слово, Саттар Сейтхазин создал поэму-реквием, вспоминая названного отца.

Многие пишут и скорбят, оплакивая горькую утрату соразмерно ее значению. Любовь к писателю и есть совершенное знание его произведений.

Он верил, что будет красивая жизнь на родной земле, где есть справедливость и нет нужды и где труд положен в основу существования. Знал он также безмерно трудную цену такой красоте и никогда не усомнился, хватит ли у его народа духовных средств на ее оплату.

Марат Сабитович МУКАНОВ

СЫН НАРОДА

Технический редактор *Арестова А.Е.*
Компьютерный набор *Оразбекова Г.Н.*
Компьютерная верстка *Оразбек К.*

ИБ №5939

Подписано в печать 7.04.2000. Формат 70х90 $\frac{1}{32}$
Бумага офсетная. Гарнитура "Балтика".
Усл.печ.л. 6,4. Уч.-изд.л. 6,2.
Тираж 2000 экз. Заказ №3413.
Цена 120 тенге.

ТОО "Издательский дом "Қазақстан".
480009, г. Алматы, пр. Абая, 143. оф. 301.
тел/факс 42-29-29, тел. 42-85-62.

Заказ отпечатан в полном соответствии
с качеством диапозитивов заказчика в типографии
РПО "Кітап" Министерства культуры, информации
и общественного согласия РК

480009, Алматы, пр. Гагарина, 93.